

ни духа, хотя бы оно было самое искреннее, а не на раздѣльномъ понятіи, есть не иное что, какъ *свѣтъ, свѣтящійся во тьмѣ*, ибо, въ отношеніи къ умозрѣнію, все покрыто густѣйшимъ мракомъ. Всякой, кто, по своему праводушію и одинаковой любви своей какъ къ истинѣ, такъ и добродѣтели, усиливается выйти изъ такого мрака, обыкновенно принимаетъ свѣтильникъ умозрительнаго разума, дабы при свѣтѣ его можно было ему ясно видѣть все то, что онъ дѣлаетъ, или чего желаетъ по инстинкту (своеприродному влеченію) разума, и даже обозрѣвать все поприще жизни, и предъусматривать свое высшее предназначеніе. Но такъ какъ и при свѣтѣ этого свѣтильника, разумъ запинаемъ и останавливаемъ бываетъ различными противорѣчіями, которыя старается обойти способомъ ложныхъ началъ и такъ какъ изъ ложныхъ началъ должны вытекать и ложныя послѣдствія, то этими началами, по необходимости, былъ бы онъ завлеченъ въ такую бездну заблужденій, изъ которой совсѣмъ нельзя бы было ему выйти, если бы онъ продолжалъ далѣе имъ слѣдовать. Такую опасность предост-вращаетъ одинъ только инстинктъ безусловнаго разума, по которому мы, дабы вовсе не отказаться отъ собственнаго достоинства, соглаша-емся лучше, съ непоколебимою твердостію, вѣрить тому, что, по нашему умозрѣнію, т. е. по принятымъ нами началамъ, представляется намъ явнымъ противорѣчіемъ, нежели рѣшиться утверждать и признавать за точную истину мнимую истинность послѣдствій, необходимо вытекающихъ изъ этихъ началъ. По этой-то причинѣ всякій истинно-мудрый и даже всякій правдолюбивый человѣкъ почитается юродивымъ у всѣхъ тѣхъ, которые судять, заключаютъ и оцѣниваютъ вещи, смотря по тому, какъ онѣ имъ кажутся, или каковыми онѣ оказываются по лживымъ правиламъ ихъ умствованія. Но на этомъ божественномъ юродствѣ основана не только истинная философія, но и богослуженіе христіанское, *въ немъ же суть вся сокровища премудрости и разума сокровенна* (Колос. 11. 3), ибо ученіе этого вѣроисповѣданія, утвержденнаго крестомъ, одобряетъ все то, что каждому, пресмыкающемуся мыслію между одними только чувственными предметами, представляется безразсуднымъ и отвратительнымъ. А по сему не только въ отношеніи къ христіанскому вѣроисповѣданію, но и въ отношеніи къ ученію философскому весьма справедливо говорить Апостолъ Павелъ, что слово крестное *погибающимъ юродство есть, а спасаемымъ сила Божія есть. Писано бо есть: погублю премудрость премудрыхъ и разумъ разумныхъ отвергну. Гдѣ премудръ, гдѣ книжникъ, гдѣ совопросникъ елика сего? Не обуи ли Богъ премудрость міра сего? Понеже бо въ премудрости Божіей* (изъ инстинкта безусловнаго разума) *не разумъ міръ*

премудростію Бога, (не достигнулъ истиннаго Богопознанія посредствомъ умозрительныхъ началъ, изобрѣтенныхъ философами): благоизволилъ Богъ буйствомъ проповѣди спасти вѣрующихъ. Понеже и Иудее знаменія просятъ, и Елліни премудрости ищутъ: мы же проповѣдуемъ Христа распята, Иудеемъ убо соблазнъ, Еллінома же безуміе, самимъ же званымъ, Иудеемъ же и Елліномъ, Христа Божію силу, и Божію премудрость. Зане буетъ Божіе премудрѣе чловѣкъ есть; и немощное Божіе крѣпче чловѣкъ есть. Видите бо званіе ваше, братіе, яко не мнози премудри по плоти (по общему образу мыслей, или мнѣнію тѣхъ, кои, чужды будучи всякой возвышенности понятій, возводящей къ познанію предметовъ сверхъ-чувственныхъ и божественныхъ, судятъ о вещахъ по однимъ только наблюденіямъ приобрѣтаемымъ изъ опыта), не мнози сильни, не мнози благородни; но буая міра избра Богъ, да премудрыя посрамитъ; и немощная міра избра Богъ, да посрамитъ крѣпкая; и худородная міра и уничиженная избра Богъ, и несущая (явныя, повидимому, противорѣчія), да сущая (т. е. все, подлежащее чувствамъ) упразднитъ (Кор. 1. 18—28).

„И такъ, если кому либо изъ искреннихъ любителей истины и добродѣтели, руководимыхъ инстинктомъ безусловнаго разума, если бы кому либо изъ таковыхъ и случилось иногда, во время изслѣдованія истины, впасть въ такія противорѣчія, которыя угрожали бы ему разрушеніемъ и уничтоженіемъ всего его достоинства и благополучія, и, слѣдовательно, самую потерю высшаго его предназначенія, въ такомъ случаѣ онъ, не взирая на свою преклонность вѣрить соображеніямъ разсудка, прилѣпляющагося къ обманчивымъ правиламъ умствованія, согласится лучше, въ духѣ вѣры (вѣры къ безусловному разуму), покориться тѣмъ священнѣйшимъ истинамъ, на коихъ основано все его достоинство, нежели изъ малодушія рѣшится утверждать то, въ чемъ, по видимому, удостовѣряетъ собственный его опытъ,—согласится лучше, преплывая волны и бурю сомнѣній, достигать надежнѣйшаго пристанища спасенія со дскою вѣры, нежели рѣшится не вѣрить такимъ истинамъ, кои, по началамъ разсудка, должны заключать въ себѣ противорѣчіе, и слѣдовательно невозможность самаго ихъ бытія, такъ какъ и все то, что заключаетъ въ себѣ дѣйствительное и подлинное противорѣчіе, не можетъ быть ни предметомъ дальнѣйшаго размысленія, ни заключать въ себѣ внутренней возможности своего бытія. Такимъ образомъ, онъ убѣждается вѣрить, что *есть Существо всесвятѣйшее*, сотворившее все мірозданіе и съ неизъяснимою премудростію управляющее всѣми предметами своего творенія, какъ въ мірѣ тѣлесномъ, такъ и духовномъ, по закону всеобъемлющаго—совершеннѣй-

шаго согласія, ради достиженія нравственныхъ цѣлей, ради вѣщаго совершенства и благополучія человѣка, хотя опытъ, съ одной стороны, и не представляетъ ничего иного, какъ одни только слѣпыя стремленія силъ естественныхъ, одну случайность, одни ужаснѣйшія превращенія и перемѣны, или орудія разрушеній, а съ другой, почти повсемѣстный мятежъ противъ вѣнценосной власти Разума, наиболѣе открывающійся въ низостяхъ и гнусностяхъ всякаго рода, въ открытыхъ торжествахъ злодѣянія, въ страданіяхъ, преслѣдованіяхъ и гибели невинности, а потому и въ обоихъ мірахъ, т. е. тѣлесномъ и духовномъ, представляетъ взору наблюдателя не иное что, какъ всеобщее смѣшеніе и разстройство, поглощающія чувство вѣры въ бытіе Существа всесвятѣйшаго. Такимъ же образомъ онъ убѣждается вѣрить, что въ *дѣйствіяхъ* *человѣческой способности мыслить владычествуетъ свобода*, хотя по тщательнѣйшемъ разсмотрѣніи и изслѣдованіи остроумнѣйшихъ доказательствъ, заимствуемыхъ отъ опыта и умствованія, оказывается, что эти доказательства на столько противорѣчатъ самимъ себѣ и въ такомъ равновѣсіи благопріятствуютъ какъ свободѣ, такъ и необходимости размысленій, что, при строжайшемъ соблюденіи правилъ умозаключенія, отнюдь не можетъ оставаться увѣреннымъ въ свободѣ, а еще, напротивъ того, болѣе расположенъ бываетъ вѣрить, что всѣ *человѣческія дѣйствія* подлежатъ *своеприродной необходимости*, въ равной мѣрѣ со всѣми прочими измѣненіями, или произведеніями вещественнаго міра. Такимъ же образомъ онъ убѣждается вѣрить, что *добродѣтель должна быть предпочитаема всему*, что всякая вѣчная обязанность и право должны быть для него священны и неотъемлемы и что, въ исполненіи этихъ обязанностей и правъ заключается его верховное благо и высочайшее предназначеніе, такъ что, если бы этого потребовали обстоятельства, онъ долженъ бы былъ, съ пламенною ревностію, отринуть всѣ земныя блага и даже пожертвовать собственною жизнію, хотя въ то же время и видѣлъ бы изъ опыта, что самая наибольшая часть людей презираетъ такіе поступки, какъ безрасудные, что добродѣтель, какъ нѣкое пагубнѣйшее зло для человѣчества, почти всюду бываетъ угнетаема и преслѣдуема, и что, на противъ того, высшая цѣль человѣка поставляется, большею частію, въ одномъ только приобрѣтеніи благъ земныхъ, какъ то, — въ изобиліи богатства, въ утѣхахъ чувственныхъ, въ блескѣ почестей, въ могуществѣ и владычествѣ; да и въ самомъ себѣ находилъ, между тѣмъ, нѣкоторое невольное влеченіе къ одному только благополучію, и изъ этого усматривалъ бы, что онъ назначенъ наслаждаться жизнію, сколько возможно счастливѣйшею. Истинная добродѣтель существуетъ въ одномъ

только понятіи, а на самомъ дѣлѣ ея совсѣмъ нѣтъ; почему и безразсудно бы было по видимому держаться одного только понятія, не заключающаго въ себѣ, по свидѣтельству опыта, ничего дѣйствительнаго, и, изъ любви къ такой мечтѣ, презирать и отвергать многочисленныя блага, предлагаемыя опытомъ, блага крайне лестныя для чувственности, блага обворожающія воображенія, наполняющія душу всѣми сладостями настоящаго, и наконецъ общающія нашимъ желаніямъ совершеннѣйшее удовлетвореніе. Но честный человѣкъ, и одушевляемый чувствомъ божественнаго естества и безусловнаго достоинства, не взирая ни на какія чувственные прелести или ужасы, ни на какія собственные страсти, порывающія душу его къ наслажденію благами настоящими и видимыми, ни на какія свидѣтельства опыта, и доказательства умствованія, ни на какую очевидность внѣшняго образа вещей, ни на какую вѣроятность и естественность хода вещей, подтверждаемыя ежедневнымъ опытомъ,—не взирая на все это, живетъ въ одномъ только, такъ сказать, понятіи добродѣтели, т. е. по этому одному понятію судить о достоинствахъ, качествахъ и назначеніи каждой вещи, и съ этимъ же единственно понятіемъ соображаетъ всѣ свои мысли, чувствованія, желанія и поступки. Обтекая съ этимъ свѣтильникомъ вѣры все мірозданіе, онъ находитъ всѣ вещи совершенно въ иномъ образѣ существованія, находитъ въ нихъ совсѣмъ иную природу, столько же истинную, какъ и различную отъ той, каковая представлялась его разсудку, утвердившемуся на чувствахъ и умствованіяхъ. Такимъ же образомъ онъ убѣждается вѣрить *безсмертію души*, т. е. безпредѣльному продолженію ихъ жизни, дабы онѣ, при такой безконечности своего существованія, могли безпрестанно болѣе и болѣе успѣвать въ добродѣтели и истинѣ, болѣе и болѣе восходить на высоту божественныхъ совершенствъ, и наконецъ болѣе и болѣе приближаться къ своей крайней цѣли, которая состоитъ въ совершеннѣйшемъ соединеніи, и даже совершеннѣйшемъ единствѣ добродѣтели и благополучія. При такой увѣренности въ безсмертіи, онъ нимало не смущается угрозами смерти, ни мало не содрагается при самомъ образѣ ея, ежедневно представляющемся взору его, какъ бы для его ощутительнѣйшаго увѣренія въ томъ, что, со смертію тѣла, умираетъ все существо человѣка, и что человѣкъ имѣетъ точно такой же конецъ, какъ и всѣ прочія вещи, подлежащія разрушенію; ни мало не тревожится и тѣмъ, что мысль безъ тѣла, по собственному его наблюденію человѣческой природы, ни какъ не можетъ обнаруживать обыкновенныхъ дѣйствій своихъ, хотя отсель и слѣдовало бы заключить, что самая способность мыслить есть не иное что, какъ высочайшая

степень физической жизни; ни мало не увлекается остроуміемъ и благовидностію доказательствъ, приводимыхъ философами противнаго ему мнѣнія, и потому ни мало не разувѣряется и не испытываетъ ни малѣйшаго недоумѣнія со стороны возраженій, какія только могутъ быть взяты изъ опыта или изъ умозрѣнія, въ опроверженіе безсмертія. И такъ, при свѣтѣ своей вѣры, онъ непремѣнно будетъ видѣть въ наигустѣйшемъ мракѣ ясный полдень невечерняго дня, въ величайшемъ смѣшеніи всѣхъ вещей совершеннѣйшій порядокъ, во всеобщемъ разстройствѣ повсемѣстное согласіе, въ предметахъ отвратительныхъ красоту, въ убожествѣ благополучіе, въ заблужденіяхъ истину, въ юродствѣ мудрость, въ смерти жизнь, въ ничтожествѣ истинную природу вещей и образъ всякаго существованія. И самая вѣра, по которой человѣкъ почитаетъ одно только *не-сущее* дѣйствительно сущимъ, а *сущее* дѣйствительно не сущимъ, т. е. все то, что кажется противнымъ опыту, и противорѣчащимъ самому себѣ, но что заключаетъ однокожъ въ себѣ единственное и повсемѣстное условіе человѣческаго достоинства, признаетъ онъ дѣйствительно существующимъ, по необходимости существующимъ, и притомъ существующимъ въ такомъ видѣ, въ какомъ оно представляется простому созерцанію, производимому инстинктомъ Разума, а напротивъ того тотъ образъ существованія, который усматривается изъ опыта, признаетъ онъ только мнимымъ, обманчивымъ и на самомъ дѣлѣ со всѣмъ не существующимъ, — эта самая вѣра человѣка есть для него корень и начало всякой истины, всякаго достоинства и превосходства, равно какъ противоположная этой вѣрѣ увѣренность въ томъ, что предметы, дѣйствительно существующіе, суть тѣ только, которые опытъ представляетъ таковыми нашимъ чувствамъ и нашему разсудку, или что дѣйствительный образъ существованія и дѣйствительныя свойства вещей суть только тѣ, которыя подтверждаются опытомъ, есть источникъ всякаго юродства, низости и бѣдствій человѣка.

„Весьма ясно и совершенно точно выраженъ въ книгѣ Премудрости Соломоновой этотъ образъ мыслей людей свѣтскихъ, останавливающихся на одной только видимости вещей и погрязающихъ во тмѣ земныя персти, гл. II, 1—23“.

„Вотъ изображеніе свѣтской мудрости, отвращающей всѣхъ тѣхъ созерцательныхъ понятій, которыми выражается что либо, превышающее грубую чувственность. Но таковая мудрость предъ взоромъ Высшаго Разума есть дѣйствительное буйство, такъ какъ и противоположная ей мудрость, возносящаяся превыше всего чувственно-видимаго, и симъ выше-чувственнымъ предметамъ приписующая неоспоримую истин-“

ность, считается между людьми, „земная мудрствующими“, дѣйствительнымъ буйствомъ. Душевенъ бо человекъ, говоритъ Ап. Павелъ (1 Кор. 11. 14, 15), не пріемлетъ, яже Духа Божія: родство бо ему есть, и не можетъ разумѣти, зане духовне востязуется. Духовный же востязуетъ убо вся, а самъ той ни отъ единого востязуется. — (1 Кор. 11. 10). Духъ вся испытуетъ, и глубины Божія“.

„Блаженна вѣра, возносящая человека отъ праха земныхъ вещей и низкихъ наклонностей ко всему высокому, превысшнему, божественному, и, еще во время пребыванія его на землѣ, содѣвающая жизнь его достойною небожителей! Счастливо то заблужденіе, которое, получивъ свое бытіе отъ ложныхъ началъ и свое образованіе отъ ложныхъ образовъ умствованія, вопреки логической законности умозаключенія, вѣритъ, съ непоколебимою твердостью, бытію такихъ предметовъ, которыхъ, какъ казалось-бы, совсѣмъ нѣтъ, или которыхъ возможность противорѣчить опыту всѣхъ и каждаго,—вѣритъ, и покоряется внушеніямъ своей вѣры, нисходящимъ свыше въ видѣ инстинкта безусловнаго разума“!

„На этой то вѣрѣ основано все христіанское Богослуженіе, которое имѣетъ своимъ предметомъ возбудить таящуюся въ душахъ нашихъ искру божественнаго разума, и, возбудивши ее, вознести и усилить ее до такой степени, пока она не обратится въ источникъ пламени и свѣта, озаряющій, подобно солнцу, всю вселенную, и представляющій мысленному взору, въ полной ясности, истинную природу и назначеніе всѣхъ вещей, и, по разсѣяніи мраковъ, ослѣпляющихъ души, поработенныя чувственности, разливающій по всему мірозданію великолѣпнѣйшій и блаженнѣйшій день. На основаніи той-же вѣры проповѣдуетъ это Богослуженіе всѣмъ людямъ, какъ образованнымъ, такъ и необразованнымъ, проповѣдуетъ съ простотою и величіемъ, совмѣстными съ понятіемъ каждаго, такое ученіе, которое, будучи само по себѣ слѣдствіемъ, извлеченнымъ изъ глубочайшихъ началъ премудрости, возноситъ насъ выше всякой человѣческой мудрости, но не съ тѣмъ, чтобъ таковое преимущество было поводомъ къ самохвалству, тщеславію и надменности, но послужило-бы къ исправленію и святости жизни, и все это производится, со стороны этого святѣйшаго Богослуженія, не посредствомъ какого-либо познанія, возводимаго отъ первыхъ началъ всякаго вѣдѣнія до степени понятій раздѣльныхъ, но посредствомъ одной только вѣры, вытекающей изъ инстинкта безусловнаго разума, изъ сердца чистаго, изъ воли, воспламеняемой искреннею любовію къ истинѣ и добродѣтели, т. е. такой вѣры, которая, вопреки всякой чувственной внѣшности, убѣждаетъ, съ непоколебимою довѣренностью, принимать

за несомнѣнную, вѣчную и никогда неизмѣняемую истину то только, чего требуетъ достоинство нашего разума, наше высшее предназначеніе, самозависимость нашей воли, всеобъемлющій законъ согласія и наше созерцательное понятіе (idea) о Существѣ всесвятѣйшемъ, хотя все это не только не подлежитъ нашимъ внѣшнимъ чувствамъ, но и дѣйствительность существованія этихъ предметовъ, повидимому, противорѣчитъ опыту каждого“.

„На этой же вѣрѣ основана и самая философія, ибо она утверждаетъ то-же самое, что и христіанское вѣроисповѣданіе, въ разсужденіи лживости внѣшняго вида вещей, представляющихся разсудку или такой познавательной способности, которая есть органъ вѣдѣнія, приобретаемаго опытомъ; то-же самое утверждаетъ оно и въ разсужденіи вѣчности и неизмѣняемости природы вещей, познаваемой изъ созерцательныхъ понятій безусловнаго разума, съ тою только разницею, что христіанское вѣроисповѣданіе, какъ основанное на внутреннемъ ощущеніи одного только безусловнаго разума, предлагаетъ свои слѣдствія, извлеченныя изъ сокровищъ вѣчной премудрости, въ простомъ видѣ и безъ всякихъ доказательствъ, убѣждая своимъ плѣнительнымъ краснорѣчіемъ, какъ образованныхъ, такъ и необразованныхъ, вѣрить симъ извлеченнымъ истинамъ, между тѣмъ какъ философія почитаетъ своею обязанностію выводить тѣ-же самыя истины изъ первыхъ началъ разума, предлагать ихъ въ ихъ взаимной и необходимой связи и совокуплять все, по подобію органическаго тѣла, въ единство системы. Слѣдовательно и философія, достойная этого имени, не только не противорѣчитъ ученію этого святѣйшаго Богослуженія, но еще служить ему величайшимъ пособіемъ и подкрѣпленіемъ, *преображая въру въ очевидное видѣніе*, ибо она удаляетъ всѣ противорѣчія, какія только встрѣчаются между разумомъ умозрительнымъ и дѣятельнымъ (theoreticam et practicam), и, показавъ совершенное согласіе между тѣмъ и другимъ видоизмѣненіемъ безусловнаго разума, утверждаетъ за несомнѣнную и очевидную истину то только, что вытекаетъ изъ природы безусловнаго разума, какъ самаго чистѣйшаго источника всякой истины, хотя-бы истины этого рода и не были подтверждаемы опытомъ, но еще находились-бы въ совершенной къ нему противоположности“ (стр. 19—31).

Мнѣ кажется, что вышеприведенное мною мѣсто изъ книги премудрости Соломоновой помѣстилъ я въ своемъ разсужденіи по внушенію нѣкоего пророческаго духа. Ибо враги мои, за исключеніемъ смерти, причинили мнѣ всѣ тѣ несчастія, каковыми въ этой книгѣ угрожаютъ нечестивые праведному; да и самыя истины, которыя я защищалъ, бывають столь ненавистны для нечестивыхъ, что ихъ, обыкновенно, по-

буждаютъ вооружаться мщеніемъ и преслѣдованіемъ. Но для меня весьма утѣшительно то, что я сдѣлался несчастенъ отъ несправедливости, вопіющей за меня на небо, а еще утѣшительнѣе быть внутренно увѣрену, какъ я увѣренъ, что я за самую справедливость, за имя Іисусово, посредствомъ мрачной клеветы, потерялъ все то, что только могло быть для меня драгоцѣнно въ этой жизни. Сколь-же нынѣ должны быть для меня священны, сколь любезны, сколь несравненны съ состояніемъ всякаго счастья или несчастья тѣ истины, коихъ мужественная защита низвергла меня въ теперешнее несчастье!

Но ничѣмъ столько не доказывается сообразность всей моей философіи съ духомъ истинной добродѣтели и Богослуженія, какъ тѣмъ, что я распространялъ понятіе обыкновеннѣйшихъ философскихъ словъ на самыя священнѣйшія истины... *Отъ избытка бо сердца уста глаголютъ*, говоритъ Іисусъ Христосъ (Матѣ. XII. 34, 35). *Благій человекъ отъ благого сокровища износитъ благая, и лукавый человекъ отъ лукаваго сокровища износитъ лукавая*, т. е. человекъ, коего сердце пламенѣетъ любовію къ Богослуженію и добродѣтели, всюду ищетъ и вездѣ находитъ Бога и угодное Богу. Какой философъ, или даже Богословъ, объяснялъ когда-либо эти два слова: *углубленіе* и *отвлеченіе* (*reflectio et abstractio*) такимъ же образомъ, какъ они объяснены въ нижеслѣдующемъ мѣстѣ: „Мы ни о чемъ не можемъ размышлять безъ отвлеченія и углубленія, всегда слѣдующихъ одно за другимъ, ибо, дабы размыслить о какомъ либо предметѣ, всегда надобно прежде отвлечь себя отъ всѣхъ прочихъ. А такъ какъ сила, производящая таковое отвлеченіе, совершенно свободна, то и всякое дѣйствіе размышленія *относительно его образа* также свободно. Ничто въ свѣтѣ не можетъ принудить человека, чтобы онъ углублялся мыслию въ какой либо предметъ, или отвлекалъ отъ него свое вниманіе тогда, когда-бы онъ этого совсемъ не хотѣлъ. Сила, производящая отвлеченіе и углубленіе, имѣетъ нѣчто божественное. Ею, всего болѣе, обнаруживается наша свобода и вообще высшія качества нашей природы. Добродѣтель всякой добродѣтели состоятъ въ томъ, чтобы преодолѣть или свое стремленіе къ чему либо *привлекательному*, или свое отвращеніе отъ чего либо *ужаснаго*, посредствомъ коихъ, вопреки закону полной свободы, старается чувственная природа или очаровать насъ, или утратить ниспроверженіемъ нашего существованія. Но мы не могли-бы противиться ни *привлекательному*, ни *ужасному*, если бы не имѣли полной свободы. *Отвлеченіемъ* побѣждается *привлекательное*, *углубленіемъ* *ужасное*. Отвлеченіе, въ этомъ случаѣ, соотвѣтствуетъ *блгству*; а углубленіе *нападению*. И потому всегда надобно отвлекать себя отъ тѣхъ предметовъ, которые, привлекая

насъ къ себѣ своею усладительностію, побуждаютъ отречься отъ закона свободы. Нигдѣ, кромѣ священнаго писанія, не находимъ мы столь достопримѣчательнаго, по этому предмету, мѣста, и столь мужественнаго, при подобныхъ обстоятельствахъ, поступка, какъ въ XXXIX главѣ Бытія, гдѣ говорится (6—12)... О рабъ, превышающій достоинство всякаго Господина и даже всѣхъ людей сего свѣта! О бѣгство самое славнѣйшее! Смѣются таковому поступку люди свѣтскіе, даже украшенные всѣми дарами счастья, а можетъ быть, и образованностію ума; смѣются сельской простотѣ и глупости; смѣются самой философіи, которая удивляется такому поступку и превозноситъ его достоинство; но пусть смѣются!—Иного рода побѣда и торжество приобрѣтаются не бѣгствомъ, но наступленіемъ на непріятеля и вступленіемъ въ самое сраженіе“.

„Но нужно ли приводить еще доказательства, подтверждающія дѣйствительное существованіе свободы въ человѣческой способности мыслить? Васъ всѣхъ, Божественныя души, обитавшія нѣкогда во плоти, васъ всѣхъ, которыя были извѣстны не своими философскими свѣдѣніями, или обширными познаніями въ многоразличныхъ наукахъ, не величіемъ власти, или земными триумфами, но которыя, проводя жизнь въ простотѣ и непорочности сердца, всѣхъ очевиднѣе доказали, нашимъ нравственнымъ *блгствомъ* или *противоборствомъ* дѣйствительность человѣческой свободы,—васъ всѣхъ, безъ исключенія, представляю свидѣтелями защищаемой мною свободы. Что же касается до прочихъ, коимъ совѣмъ неизвѣстны такія побѣды, со всѣми этими, какъ несвободными, напрасно было бы, точно также какъ и съ глухими, собесѣдовать объ этомъ предметѣ“.

Въ концѣ этого разсужденія помѣщены еще нѣкоторыя положенія, которыя также показываютъ духъ моей философіи и изъ которыхъ примѣчательнѣйшія суть нижеслѣдующія: 1) „Нельзя представить себѣ никакой философіи безъ богоисповѣданія, т. е. безъ достовѣрнаго и очевиднаго вѣдѣнія Существа всесвятѣйшаго, сотворившаго всю вселенную и управляющаго ею сообразно нравственнымъ цѣлямъ; 2) Поэтому метафизика, по моему мнѣнію, есть не иное что, какъ извлеченное изъ созерцательнаго понятія о Существовѣ всесвятѣйшемъ и всеобъемлющемъ умозрительное начертаніе всемірія, имѣющее своимъ предметомъ соглашеніе и уничтоженіе всѣхъ разногласій, встрѣчающихся въ мірѣ тѣлесномъ и нравственномъ; 3) На основаніи этого только единачнаго начала можно разсматривать природу міра вещественнаго и духовнаго, составляющихъ единое всемірное; 4) На этомъ же началѣ должны быть основаны и всѣ прочія науки, ибо безъ богоисповѣданія и богослуженія всякая наука приносить болѣе вреда,

нежели пользы, 5) Слѣдовательно, есть Существо всесвятѣйшее, 6) Есть свобода въ дѣйствіяхъ человѣческой способности мыслить, 7) Есть безсмертіе душъ, 8) Есть безусловный законъ, на коемъ основано всякое право и всякая обязанность, 9) Есть семейственный, гражданскій и народный природный законъ, ибо есть, какъ утверждаетъ Цицеронъ весьма справедливо, такой законъ, *который не изданъ нами, но съ нами рожденъ, который мы не затвердили, заняли или прочли, но изъ самой природы уразумѣли, почерпнули, извлекали, и къ которому мы не приучены, но рождены, не приспособлены, но сотворены*“.

Изъ всѣхъ этихъ мѣстъ, изъ всѣхъ моихъ сочиненій, изъ каждой страницы моихъ сочиненій, очень ясно усматривается тотъ духъ, каковымъ одушевляется не только моя философія, но и всѣ мои ученые занятія, т. е. духъ пламенной ревности и попеченія о добродѣтели, благочестіи, христіанскомъ вѣроисповѣданіи и томъ священномъ дѣлѣ, за которое почти вся Европа, а наиболѣе Россія, сражалась, проливая кровь сыновъ своихъ и торжествовала;—тотъ духъ, который, неумолимо трудясь день и ночь, старается изъ множества и изъ смѣси самыхъ пагубныхъ заблужденій, покрывающихъ вѣчнымъ мракомъ и безславіемъ нашъ просвященный, философскій вѣкъ, извлечь такіа истины, которыя бы служили прочнымъ и неизблемымъ основаніемъ всего, относящагося къ сохраненію достоинства и благополучія человѣка;—тотъ духъ, который, бѣгая заразы правилъ нынѣшняго времени, проклиная ихъ подъ крестомъ Іисуса Христа и повергаетъ къ ногамъ распятаго всякую человѣческую мудрость, дабы отъ него единого научиться премудрости, сообщающей истину и животъ (Іоан. XIV. 6), и потомъ проповѣдывать эту премудрость всему міру;—тотъ духъ, который, хотя образуется въ училищѣ міра, но который однакожь во всѣхъ явленіяхъ цѣлаго всемірія, во всѣхъ тваряхъ, отъ персти и червя до человѣка, и отъ человѣка до высочайшаго изъ серафимовъ, видитъ не иное что, какъ единую вѣчную любовь, то изливающую себя въ свои творенія, то спасающую ихъ собственною жертвою самозакланія;—тотъ духъ, для котораго каждая истина, изученная въ училищѣ креста Іисусова, каждое доброе намѣреніе, сообразное съ его божественнымъ ученіемъ, несравненно драгоцѣннѣе всѣхъ величій свѣта, и который, по этой причинѣ, съ радостію готовъ претерпѣть, за эти священныя истины, всѣ несчастія свѣта и даже пожертвовать собственною жизнію;—тотъ духъ, коего пламенная ревность ничего инаго не желаетъ, какъ только, чтобы низвергнуть былъ идолъ обожаемой нынѣ и всему христіанству, равно какъ и всякому иному богопоклоненію враждебной философіи, и чтобъ на прахъ его алтаря воздвигнуто было знамя

всемірнаго спасенія, предъ которымъ бы наконецъ и самая кичливость философіи принуждена была преклонить свои колѣна и обратить свое оружіе на защиту, утвержденіе и прославленіе богослуженія Іисусава;— тотъ духъ, который, пользуясь всѣмъ, т. е. и природою и искусствомъ, и разумомъ и откровеніемъ, и свѣтскими сочиненіями и свящ. писаніемъ, для достиженія цѣли своихъ непорочныхъ намѣреній, стремится въ особенности къ тому, чтобы поселить въ сердцахъ еще неразвращеннаго юношества искру божественнаго огня, принесеннаго въ міръ Іисусомъ, и усилить ее до такой степени, чтобы она обратилась въ пламенное море рвенія ко всякому благу.

Гдѣ можно найти философовъ, которые бы, при такомъ же образѣ мыслей, имѣли таковую же и ревность? Къ сожалѣнію, ихъ произведенія очень ясно доказываютъ, что сердца ихъ, зараженными тлѣтворствомъ ложныхъ началъ, овладѣло хлоднокрое, нечувствительность, всегдашнее занятіе сомнѣніями и даже рѣшительное невѣріе, такъ что не только Іисусово богослуженіе буйствомъ, но и естественное богослуженіе кажется имъ неразрѣшимой загадкою, а потому и спасительная сила какъ того, такъ и другаго богопоклоненія, не приносить имъ нисколько пользы, и человѣкъ, при такихъ обстоятельствахъ, обыкновенно предается всѣмъ заблужденіямъ ума и сердца. По мнѣнію Канта, всякое утвердительное ученіе, переходящее за горизонтъ опыта, есть *фанатическій бредъ, лжеверіе, произвольное заблужденіе и склонность къ чудодѣйствію*, и такое его мнѣніе проповѣдуется нынѣ на кафедрахъ не только всѣми философами и весьма многими изъ свѣтскихъ богослововъ, но повторяется и въ самыхъ хижинахъ поселянъ. Такимъ образомъ, и въ простомъ уже народѣ теряетъ свою силу и жизнь богослуженіе христіанское, и даже исчезаетъ довѣренность къ истинамъ естественнаго богопочитанія, получившаго нѣкогда свою твердость, ясность и силу отъ богослуженія христіанскаго. Уже многіе изъ простаго народа начинаютъ сомнѣваться въ бытіи Бога, въ существованіи свободной воли, безсмертія душъ, безусловной и необходимой должности. Слѣдствія такого образа мыслей суть ужаснѣйшее растлѣніе нравственности и самоубійство, общія нынѣ всѣмъ уже состояніямъ, но никогда и ни въ какомъ состояніи не случавшіяся столь часто доселѣ. Сколь же благотѣльна была бы та философія, которая бы истребила корень этого нравственнаго зла, т. е. нынѣшнюю склонность умовъ отрицать божественность христіанскаго ученія, и даже самыя основанія естественнаго богопочитанія признавать или сомнительными или совершенно ложными. Тотъ философъ, который бы, въ одной и той же системѣ,

доказать, самыми твердыми и непоколебимыми доказательствами не только важнѣйшія истины естественнаго богопочитанія, но и существенные догматы христіанскаго вѣроисповѣданія соединилъ бы съ этими естественными истинами наитѣснѣйшимъ союзомъ, такъ чтобъ догматы уже болѣе не казались странными или противоположными разуму, а представлялись бы собственными и вѣчными истинами самаго разума,—такой философъ, безъ сомнѣнія, оказалъ-бы человѣчеству величайшую услугу. Даже и тотъ, кто предпринялъ бы намѣреніе составить такую систему и проводилъ бы свое намѣреніе въ самое дѣйствіе, безъ сомнѣнія, заслуживалъ бы всякаго одобренія и вспомоствованія. Такое намѣреніе предпринято мною уже давно: я поставилъ его цѣлью всѣхъ моихъ философскихъ и литературныхъ занятій; и наконецъ былъ столь счастливъ, что достигъ моей цѣли, увѣренъ будучи въ этомъ совершенно. Важнѣйшія истины естественнаго богопочитанія представляются мнѣ въ совершеннѣйшей очевидности, такъ что для меня теперь столь-же невозможно сомнѣваться въ этихъ истинахъ, какъ и въ дѣйствительности предметовъ видимыхъ и осязаемыхъ, или въ дѣйствительности моего собственного бытія; не менѣе удостовѣренъ я и въ истинности существенныхъ догматовъ христіанскаго вѣроисповѣданія, равно какъ и неразрывности ихъ союза съ важнѣйшими истинами естественнаго богопочитанія. Даже въ дѣйствительности предметовъ, превышающихъ наши чувства и заключающихъ въ себѣ единственные условія нашихъ достоинствъ и нашего предназначенія, удостовѣренъ я гораздо болѣе, нежели въ предметахъ чувствъ и опыта, ибо все то, что мы познаемъ изъ опыта, подвержено вѣчнымъ переменамъ, непрерывнымъ видоизмѣненіямъ, и потому не можетъ заключать въ себѣ истиннаго бытія вещей, которое совѣмъ неприступно для опыта и чувствъ и которое, по сей причинѣ, должно быть познаваемо ими изъ разума, или изъ откровенія. Но поелику *невидимая вѣчна суть, а видимая временна*, какъ говоритъ ап. Павелъ (¹ Кор. 11, 15), то предметы, неприступные для чувствъ, или невидимые, если открыты и узнаны будутъ однажды, производятъ въ насъ гораздо большую достовѣрность, нежели всѣ прочіе, подлежащія чувствамъ, или все то, что обыкновенно переходитъ изъ этого образа въ другой. Столь высокая достовѣрность важнѣйшихъ истинъ естественнаго богопочитанія и существенныхъ догматовъ христіанскаго вѣроисповѣданія самымъ очевиднѣйшимъ образомъ вытекаетъ изъ началъ моей философіи. Истины какъ того, такъ и другаго образа богопоклоненія суть для меня не иное что, какъ чистѣйшіе лучи одного и того же Вѣчнаго Разума, отражающагося отчасти и въ нашемъ разумѣ, хотя это отраженіе и покрывается тьмою, какъ говоритъ Апостолъ и Евангелистъ Іоаннъ. *Въ томъ живомъ бгѣ, и*

животъ бѣ свѣтъ челоуѣкомъ; и свѣтъ во тьмѣ свѣтитя и тьма его необъятъ (Іоан. 1. 4). Причина этой тьмы заключается частію и въ ограниченности нашей природы, но всего болѣе она происходитъ отъ прародительскаго, и, въ дополненіе, самими нами приумноженнаго растлѣнія духа и сердца, равно какъ и отъ истекающихъ отселѣ нашихъ заблужденій. До тѣхъ поръ, пока мы прибываемъ въ этой слѣпотѣ, истины христіанскаго вѣроисповѣданія представляются намъ въ видѣ ученія положительнаго (ученія безъ доказательствъ) или такого, которое кажется страннымъ, или даже противнымъ разуму, ибо *тьма не можетъ объятъ* (вмѣстить, уразумѣть) ихъ. Но христіанское же ученіе, ежели мы стараемся въ точности слѣдовать ему, избавляетъ насъ отъ этой слѣпоты духа и сердца и возноситъ на такую степень внутренней высоты, съ которой мы, обозрѣвая все христіанское богослуженіе во всемъ его изяществѣ, величіи и божественности, усматриваемъ въ немъ вѣчное и единственное царство разума, преисполненное свѣта, *иже просвѣщаетъ всякаго челоуѣка, являющаго въ міръ*, какъ свидѣлствуетъ тотъ же Апостолъ Іоаннъ (Іоан. 1. 9). Къ этому величественному и никогда не оскудѣвающему свѣту христіанскаго богослуженія привела меня моя философія, которая, по этой причинѣ, и составляетъ нынѣ величайшее благополучіе моей жизни. И эту то самую философію, столь сообразную съ божественнымъ ученіемъ христіанскаго вѣроисповѣданія, старался я, по долгу моего званія, во все продолженіе 13-лѣтней моей службы, преподавать обучавшемуся у меня Россійскому юношеству, со всею, съ моей стороны, неутомимою дѣятельностію и сообщать, посредствомъ изданныхъ мною книгъ, всякому образованному Россіянину, дабы такимъ образомъ распространить въ Россійскомъ государствѣ, сколько это зависѣло отъ моихъ способностей, добродѣтель и благоденствіе. Даже простеръ я свою патріотическую ревность до такой степени, что намѣревался дѣйствовать изнутри Россіи и на прочія государства, особливо на Германію, и тѣмъ сдѣлать честь русскому народу. Гордяся происхожденіемъ политической свободы изъ среды Россійской Имперіи, разрушившей предположеніе всесвѣтной тираніи и даровавшей независимость Европѣ, я полагалъ, что и спасительному свѣту познанія истиннаго просвѣщенія прилично бы также возсіять и распространиться отъ полночи къ полудню, и тогда бы Европа обязана была Россіи не одною только политическою свободою. И въ самомъ дѣлѣ, нельзя не согласиться, чтобъ при столь ужаснѣйшей ночи заблужденій, какою покрыты европейскія области и какую произвела на свѣтъ усилившаяся нынѣ и отъ Бога и Иисуса Христа отступившая философія, — при столь сильныхъ опустошеніяхъ заразы, убійственной для цѣлаго

свѣта,—при столь явныхъ опытахъ возстановленія древняго язычества въ самыхъ нѣдрахъ христіанства,—при столь бѣдственномъ умокреніи тѣхъ ученыхъ, кои, именуя себя критиками, помышляютъ то о томъ, чтобъ, испровергнувъ всѣ основанія добродѣтели, благочестія и христіанскаго богослуженія, испровергнуть вмѣстѣ съ этимъ и весь гражданскій порядокъ, подорвать благополучіе каждаго и уничтожить всѣ основанія государствъ,—нельзя не согласиться, чтобъ, при столь ужаснѣйшихъ предвѣщательныхъ признакахъ, не была весьма спасительна, возжелѣна и достойна вспоможеній всякаго благомыслящаго такая философія, которая бы, облекшись во всеоружіе разума и откровенія и воспріявши побѣдоносное знамя Іисуса Христа, сразилась мужественно и употребила всѣ усилія къ истребленію и уничтоженію враговъ челоѣчества. Нельзя не видѣть, что, если бы такая философія получила свое существованіе въ Россіи и оттолѣ разпространилась бы за ея предѣлы, безъ сомнѣнія, увѣнчала бы тѣ великія и для всей Европы благодѣтельныя дѣянія россиянь, какія неотъемлемо принадлежатъ этому народу героевъ и какими онъ приобрѣлъ себѣ безсмертную славу, ибо всякій народъ тогда только можетъ сдѣлаться истинно великимъ и благополучнымъ, когда онъ своими побѣдами приобрѣтаетъ независимость нравственную, охраняетъ царство добродѣтели и расточаетъ полчища враговъ ея. Но, ахъ! Кто повѣритъ, чтобы столь благонамѣренная философія была преслѣдуема въ Россіи точно также, какъ и нѣкое величайшее государственное преступленіе, чтобъ виновникъ и распространитель ея системы и ученія, жившій, трудившійся и, по побужденію своего патріотическаго честолюбія, жертвовавшій собою для блага Россіи цѣлыя тридцать лѣтъ, наконецъ заклеимѣнъ былъ именемъ безчестнѣйшаго преступника, именемъ развратителя русскаго юношества и духовенства и потому отставленъ отъ своей должности, немедленно выгнанъ за границу, лишенъ принадлежавшаго ему имущества, удаленъ отъ своего любезнаго семейства и, при его глубокой старости, при крайней слабости здоровья, разстроеннаго многолѣтними его занятіями, осужденъ на всѣ несчастія и на самую опасность умереть отъ голода. Кто повѣритъ, чтобъ все это онъ долженъ былъ претерпѣть, не получивши возможности и права, даруемаго даже тѣмъ преступникамъ, которые заслуживаютъ смертной казни, т. е. права отвѣтствовать на сдѣланныя противъ него обвиненія и защищать свою невинность? Какой другъ челоѣчества можетъ выслушать такое происшествіе безъ внутренняго содроганія? Горе свѣту, если и малое количество друзей истины, равно какъ и ихъ произведенія, будутъ гонимы и преслѣдуемы такъ, что для враговъ челоѣчества не

останется болѣе никакого препятствія, могущаго удерживать ихъ дальнѣйшія покушенія. И если философія, если образъ мыслей, если намѣренія, если дѣятельность такого рода достойны столь примѣрнаго наказанія, то какого же образа обученія требуютъ отъ обучающихся въ публичныхъ училищахъ? Или долженъ былъ я утверждать и преподавать правила, совершенно противныя тѣмъ, какія заключаются въ моихъ сочиненіяхъ? И не долженъ ли подумать всякій, находящійся внѣ Россіи и не знающій тѣхъ коварныхъ интригъ, посредствомъ какихъ произведено все, случившееся со мною, не долженъ ли, услышавъ о моемъ несчастіи, подумать, что въ Россіи не только невинность и заслуги, но и самыя священнѣйшія истины были въ моемъ лицѣ преслѣдованы и поруганы?

Нѣтъ, я увѣренъ, совершенно увѣренъ въ томъ, что отнюдь не было предполагемо преслѣдовать во мнѣ чловѣка невиннаго, благонамѣреннаго и заслуженнаго, чловѣка искренно любящаго добродѣтель, благочестіе и христіанское богослуженіе, особенно такого чловѣка, коего всѣ сочиненія суть несомнѣнныя доказательства и вѣчные памятники его невинности, патріотической ревности и христіанской нравственности. Нѣтъ, Россійское Правительство совсѣмъ не способно поступать такимъ образомъ! Во мнѣ преслѣдуемъ былъ не иной кто либо, какъ только преступникъ, опасный для русскаго народа и особенно вредный для русскаго юношества, ибо такимъ умѣла представить меня, предъ лицомъ правдолюбивѣйшихъ министровъ, наиковарнѣйшая клевета. Всѣ случавшіяся со мною непріятности, несчастія и разныя несправедливости суть дѣло тьмы, всегда враждующей противъ свѣта, суть произведенія утонченнѣйшей лжи и самой злобной мстительности. Никогда бъ не могъ столь благочестивый, правосудный и чловѣколюбивый министръ, каковъ министръ духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князь Голицынъ,—никогда бы не могли и прочіе господа министры учинить столь насильственной и на небо вопіющей несправедливости! Никогда бъ и Всероссійскій Государь Александръ не рѣшился подписать моего осужденія, если бъ отдаленность мѣстоположенія не была препятствіемъ видѣть мою невинность! Я увѣренъ, что Его Императорское Величество, равно какъ и прочіе господа министры наградили-бъ меня отличнымъ образомъ, если-бъ только знали мой подлинный характеръ, мои благородныя и общепользныя намѣренія и подъятыя мною для блага Россіи труды. Но вмѣсто всего этого, они видѣли изъ представленія не иное что, какъ такую философію, которая клонилась къ ниспроверженію добродѣтели, богослуженія и гражданскаго порядка,—такія покушенія, которыя имѣли въ ви-

ду развращеніе російскаго юношества и духовенства,—такія сочиненія, которыя заключали въ себѣ самыя дерзкія ругательства противъ Россійскихъ законовъ и были вредны для всего Государства; и все это видѣли они изъ представленія такого человѣка, къ которому нельзя было не имѣть полной довѣренности, какъ по причинѣ возложеннаго на него званія попечителя, такъ и по тому особенно, что онъ, какъ сказано въ его представленіи, пѣлый годъ разматривалъ дѣло самымъ строжайшимъ и безпристрастнѣйшимъ образомъ. Ибо если не будетъ довѣряемо такимъ лицамъ, какъ попечитель, то къ кому же высшее Правительство будетъ имѣть довѣріе, особенно Правительство столь обширнаго Государства, какова Россія, гдѣ, безъ самыхъ важныхъ побудительныхъ причинъ, никакъ нельзя не умножать, ни увеличивать тяжёбныхъ изслѣдованій, не подвергая Государство совершенной остановкѣ производства правосудія. Никакому народу, никакому Правительству, особенно при нынѣшнемъ поврежденіи нравственности, столь усилившемся во всѣхъ состояніяхъ, нельзя поставить того въ вину, что есть въ его области люди злонамѣренные, такіе, которые, желая сдѣлать несчастными невинность и заслугу, порочатъ ихъ и преслѣдуютъ. Подобныя происшествія встрѣчаются вездѣ и даже очень часто въ такихъ государствахъ, коихъ образованность доведена до высокой степени и коихъ способъ управленія почитается образцовымъ. Какъ высшее, такъ и низшее начальство заслуживаетъ одобренія предъ Богомъ и предъ всѣми людьми, если только оно вознаграждаетъ свою несправедливость, происшедшую отъ клеветы, если принимаетъ подъ свое покровительство угнетаемую невинность и приводитъ въ извѣстность заслугу, скрываемую во мракѣ неизвѣстности. Всякое Правительство для того только и устанавливается, чтобы сохранять правосудіе и преслѣдовать несправедливость, защищать невинность и наказывать пороки. По этимъ причинамъ я надѣюсь и увѣренъ, что Россійское Правительство не преминетъ оказать мнѣ свое правосудіе, коль скоро увидитъ несправедливость, происшедшую отъ клеветы. И это сдѣлать очень легко, ибо каждая книга моего сочиненія заключаетъ въ себѣ очевиднѣйшія доказательства моей невинности, моихъ общепользныхъ и безукоризненныхъ намѣреній и вмѣстѣ съ симъ злоумышленной мстительности и клеветы того, къ кому сдѣланъ на меня доносъ. Стоитъ только сличить эту записку съ самыми книгами, чтобы увѣриться въ истинѣ всего вышесказаннаго.

А что оклеветатель мой полагался единственно на покровительство графа Потоцкаго, это видно изъ того, что онъ, во все шестилѣтнее пребываніе графа въ Польшѣ, не дававшего, въ теченіе этого вре-

мени, никакого о себѣ извѣстія, не осмѣливался даже и издали дѣйствовать противъ моихъ сочиненій, хотя многія изъ нихъ давно уже употребляемы были въ числѣ учебныхъ и воспитательныхъ книгъ какъ въ университетѣ, такъ и по гимназіямъ. Но лишь только пронесся слухъ въ Харьковѣ, что попечитель вскорѣ возвратится въ городъ изъ Польши, тотчасъ обнаружилась жесточайшая ненависть и мстительство профессора Дегурова, равно и друзей его, какую они столь долго таили и питали въ самихъ себѣ. Весьма замѣчательное въ этомъ отношеніи происшествіе случилось со мною 25 декабря 1815 г., при публичномъ собраніи всѣхъ членовъ университета и многихъ знатнѣйшихъ особъ города Харькова. Университетъ, предположивши въ этотъ день торжествовать вновь одержанныя надъ Наполеономъ и Франціею знаменитѣйшія побѣды, назначилъ мнѣ латинскую рѣчь. Я говорилъ ее изъ предложенія *о возстановленіи богослуженія* въ соотвѣтствіе говоренной мною въ тотъ же день въ минувшемъ 1814 году рѣчи *о возстановленіи свободы въ Европѣ*. Въ этомъ собраніи вмѣстѣ съ прочими посѣтителями были и Харьковскіе ученые священники греко-россійскаго исповѣданія, которые, въ засвидѣтельствованіе своего отличнѣйшаго одобренія, утверждали, что никакой епископъ не могъ бы говорить о богослуженіи съ большимъ достоинствомъ, нежели какъ я объ этомъ предметѣ изъяснялся, и потому просили доставить имъ 200 экземпляровъ этой рѣчи, если она будетъ напечатана и издана въ свѣтъ, дабы и воспитанники епархіальнаго collegіума могли имѣть ее, какъ въ виду простоты латинскаго языка, такъ и въ виду самаго ея содержанія. Но, не взирая на это, французскій профессоръ осмѣлился, еще при чтеніи приступа рѣчи, открыть тревогу и шумъ и велухъ ругать меня поноснѣйшими именами и даже требовать отъ ректора университета, чтобы стащили меня съ кафедръ. Я былъ въ такомъ положеніи, какъ бы находился въ Парижскомъ національномъ конвентѣ. Но, не приходя отъ этого въ замѣшательство и не обращая вниманія на дерзость француза, я продолжалъ свою рѣчь, съ надлежащимъ приличіемъ и выразительностію. Единственною причиною этого бѣшеннаго своеволія, этого французскаго безчинія, учиненнаго въ самой Россіи, было то, что я, какъ о вѣроломствѣ возвратившагося съ острова Эльбы, такъ и измѣнническомъ поступкѣ Франціи, которая приняла его съ распростертыми объятіями, оставя своего законнаго Государя, выражался съ отвращеніемъ, достойнымъ и Тиранна и Народа, превозноси притомъ, съ торжествующимъ краснорѣчіемъ, знаменитыя побѣды союзныхъ Государей. Годомъ ранѣе, столь своевольная дерзость была бы наказана ссылкой въ Сибирь, но въ то время, какъ со дня на день

ожидали прибытія графа Потоцкаго изъ Польши, многіе даже изъ профессоровъ, въ числѣ коихъ былъ и ректоръ университета Осиповскій, не только одобрили дерзость француза, но еще постарались воспрепятствовать изданію въ свѣтъ моей рѣчи, которую одинъ изъ ученѣйшихъ Россійской церкви протоіереевъ наилучшимъ образомъ перевелъ на руссійскій языкъ. Вскорѣ послѣ этого прибылъ въ Харьковъ графъ Потоцкій, и я тогда же жаловался ему на обиду, причиненную мнѣ при публичномъ собраніи, во время самаго исполненія моей должности. Но попечитель, защищая виновника обиды, сказалъ мнѣ: *ужели вѣрно надобно ругать французовъ?* Я представлялъ ему, что еще нѣсколько мѣсяцевъ прошло послѣ того, какъ Тиранны снова побѣждены, и свергнуты съ престола, — что Государь Императоръ положилъ навсегда приносить, въ концѣ сего мѣсяца, торжественныя Господу Богу благодаренія за дарованныя имъ побѣды, — и что университетъ, по этому случаю, поручилъ мнѣ выразить торжественною рѣчью общія чувства всего народа. Я ссылаясь и на изданный въ то время манифестъ, въ которомъ громогласно осуждаемы были отвратительныя поступки французовъ. Но попечитель оставался при своемъ противъ меня мнѣніи. Онъ обнаружилъ въ тоже время свое негодованіе на мою философію и мои прочія сочиненія столь ясно, что я не могъ не замѣтить его рѣшимости погубить меня, въ удовлетвореніе своего любимца Дегурова. Наконецъ я отвѣтствовалъ ему со всѣмъ приличіемъ и твердостью, что я научился самой важнѣйшей изъ всѣхъ наукъ, т. е. наукѣ умирать за чистоту и святость дѣла, какое я защищалъ письменно и устно. Въ этомъ могу я сослаться на нѣкоторыхъ свидѣтелей, бывшихъ при разговорѣ, какъ то: статскаго совѣтника Каразина, надворнаго совѣтника Ели и магистра Ковалевскаго. Слѣдствіемъ моей жалобы и просьбы о сдѣланіи надлежащаго удовлетворенія за нанесенную мнѣ въ публичномъ собраніи обиду было 1) то, что рѣчь, удостоенная отличнаго одобренія всей ученой публики города Харькова, не была напечатана, 2) профессору Дегурову поручено было попечителемъ написать доносныя замѣчанія на мои книги и представить попечителю; 3) сообразно этимъ замѣчаніямъ, за истинность коихъ попечитель ручался предъ гг. министрами, рѣшено было отставить меня отъ должности и выгнать за границу, какъ преступника.

Этому же несчастію очень много содѣйствовалъ и другой членъ, а именно, прежде бывший профессоръ и ректоръ Харьковскаго университета Афанасій Стойковичъ, отличнѣйшій любимецъ графа Потоцкаго. Его можно назвать, въ моемъ дѣлѣ, предтечею графа Потоцкаго и профессора Дегурова, ибо онъ, еще за два года до случив-

шагося со мною въ Харьковѣ несчастія, объявилъ, что поѣдетъ въ Петербургъ для того только, дабы успѣть низринуть меня, хотя бы это стоило ему 50.000 рублей. Столь непримиримую ненависть этого человѣка я навлекъ на себя не инымъ чѣмъ, какъ выполненіемъ же моею должності, которую я никакъ не могъ нарушить, не сдѣлавшись человѣкомъ презрѣннѣйшимъ. Именно встрѣтился случай, по которому надобно было разрѣшить вопросъ: можно ли мнѣ, какъ честному и добросовѣстному человѣку, какъ ревностному христіанину, какъ члену Харьковскаго университета, рѣшиться не препятствовать Стойковичу учинить ложную присягу, между тѣмъ какъ я могъ его до этого не допустить? Всякій, кто хотя нѣсколько дорожитъ совѣстію, благочестіемъ и евангельскимъ богослуженіемъ, безъ сомнѣнія, отвѣтствовалъ бы на такой вопросъ отрицательно. Стойковичъ же, дабы уклониться отъ отвѣтственности за нѣкоторый весьма не хорошій поступокъ и вмѣстѣ предотвратить изслѣдованіе, какое, по этому случаю, предписано было сдѣлать господиномъ министромъ Разумовскимъ, просилъ письменно университетскій совѣтъ о томъ, чтобъ ему дозволено было доказать лживость учиненнаго на него доноса одною клятвою. Но онъ прибѣгнувъ къ такому доказательству, коего лживость была очевидна, ибо случайнымъ образомъ попались мнѣ въ руки самыя яснѣйшія доказательства лживости его оправданія, коего истинность однакожъ хотѣлъ Стойковичъ подтвердить присягою. Упомянутыя доказательства были такого рода, что при нихъ всякое дальнѣйшее изслѣдованіе осталось не нужнымъ, такъ какъ умышленность клятвопреступленія обнаружилась во всей ясности. Я представилъ эти доказательства, вмѣстѣ съ рукописью самаго Стойковича, университетскому правленію съ тѣмъ, дабы не допустить университетскаго ректора до клятвопреступленія и тѣмъ самымъ предотвратить имѣвшій отъ этого произойти ужасный соблазнъ и стыдъ университета предъ всею публикою. По виду этого обстоятельства, дѣло препровождено было къ министру, который потомъ предписалъ университетскому совѣту избрать другаго ректора. Акты этого дѣла, коимъ Стойковичъ самъ себя запятналъ навсегда, безъ сомнѣнія, и понынѣ лежатъ въ архивѣ Харьковскаго университетскаго правленія и совѣта. Въ 1815 году онъ ѣздилъ въ С.-Петербургъ, гдѣ наконецъ удалось ему, пресмыкательствомъ и хитростями, расположить въ свою пользу различныхъ знаменитыхъ и сильныхъ особъ, и между прочими статсъ-секретаря Молчанова, которые о дурномъ его поведеніи не имѣли ни малѣйшаго свѣдѣнія. Стойковичъ воспользовался благорасположеніемъ вельможъ не для своего только благополучія, но и вмѣстѣ для моего злополучія,

ибо безпрестанно твердилъ о моей философіи и моихъ книгахъ, какъ сочиненіяхъ крайне опасныхъ,—твердилъ предъ лицомъ такихъ особъ, которые не знали ни меня самого, ни моей философіи, ни моихъ другихъ сочиненій и которые, по своей благонамѣренности, имѣли совершенно искреннее и при томъ совершенно справедливое отвращеніе отъ философіи нынѣшняго времени. Такимъ образомъ, будучи включенъ въ число тѣхъ вреднѣйшихъ для благосостоянія общественнаго философовъ, которые явно стараются уничтожить добродѣтель, благочестіе и христіанское вѣроисповѣданіе, и противъ которыхъ моя философія подвизается со всею ревностію, я не могъ не подвергнуться величайшему негодованію этихъ знаменитѣйшихъ, сильныхъ, благонамѣренныхъ и даже благочестивѣйшихъ особъ, обманутыхъ тогда призракомъ истины. Ихъ негодованіе было совершенно справедливо, по мѣрѣ ихъ убѣжденія въ справедливости обвиненій Стойковича. И я самъ всеусердно желаю доселѣ, чтобъ Богъ благоволилъ избавить Россію отъ такой философіи, какая господствуетъ въ Германіи между большею частію ученыхъ, почему и употребилъ я еще въ бытность мою въ Россіи всѣ мѣры устнаго и письменнаго наставленія единственно на то, дабы не только заградить путь въ Россію этой философіи, но, сколько это зависѣло отъ моихъ способностей, изгнать ее изъ всего свѣта посредствомъ основательныхъ опроверженій. Но это патріотическое, честное и благочестивое мое намѣреніе скрывалось было со всевозможнѣйшимъ тщаніемъ и приписано было такое, которое ему совершенно противно. Даже и то обстоятельство, что покойный митрополитъ Амвросій, коему весьма понравилась моя философія, купилъ значительное количество моихъ сочиненій, для раздачи ихъ между Россійскимъ духовенствомъ, равно какъ и то, что ученые Харьковскіе священники частнымъ образомъ слушали мою философію,—оба эти обстоятельства, которыя должны были послужить къ моей вящей чести и могли быть доказательствомъ истинно христіанскаго содержанія моей философіи, перетолкованы были такъ, что якобы я имѣлъ намѣреніе развратить моими правилами русское духовенство.

Такимъ-то образомъ все, служившее къ увеличенію моей чести, похвалы и заслугъ, обращалось было въ идовитую клевету на мнѣ же въ упрекъ и преступленіе. Такимъ-то образомъ Стойковичъ, поклявшійся нѣкогда погубить меня за то, что я ему воспрепятствовалъ выполнить ужаснѣйшій грѣхъ клятвеннаго преступленія, предъуготовилъ путь своему покровителю, графу Потоцкому, и своему достойному другу, профессору Дегурову, для достиженія цѣли составленныхъ ими противъ меня замысловъ.—По прибытіи графа Потоцкаго въ С.-Петербургъ вызванъ

былъ туда же и Дегуровъ и въ это-то время всѣ трое соединенно дѣйствовали къ моей гибели. Знаменитѣйшія особы, отъ единого слова которыхъ зависѣла моя участь, безпрестанно слышали обо мнѣ самые худые отзывы, относительно моей философіи и моихъ сочиненій, которыя называемы были крайне вредными для благосостоянія общественнаго и особенно пагубными для обучающагося юношества. Когда же графъ Потоцкій замѣтилъ, что все, нужное для выполненія его намѣреній, было уже готово, немедленно представилъ доносныя замѣчанія профессора Дегурова господину министру народнаго просвѣщенія, князю Голицыну, мужу, исполненному отличнѣйшихъ достоинствъ патриотизма и любви къ благочестію, который не задолго предъ тѣмъ вступилъ въ управленіе министерствомъ народнаго просвѣщенія и который притомъ совсѣмъ не зналъ меня, а слышалъ обо мнѣ одни только предъосудительные отзывы и клеветы,—представилъ съ присовокупленіемъ собственнаго мнѣнія объ этихъ замѣчаніяхъ, т. е. якобы онъ нашелъ ихъ совершенно основательными. Мое паденіе было неизбежно, ибо министры, при всемъ ихъ желаніи удовлетворить обязанности своего званія, не могли поступить иначе, нежели какъ они поступили. Я самъ, который сдѣлался жертвой этой клеветы, сохраняю глубочайшее уваженіе къ образу дѣйствія министровъ. Священнѣйшая обязанность требовала отъ нихъ того, чтобъ немедленно удаленъ былъ отъ училищной должности такой человѣкъ, который, какъ видно было изъ представленія попечителя, и устно и письменно старался распространять самое пагубное ученіе, не только между обучающимся юношествомъ, но и между иными людьми, какъ духовнаго, такъ и свѣтскаго состоянія. Министры никоимъ образомъ образомъ не могли подозрѣвать, чтобы все дѣло, въ своемъ существѣ, было не иное что, какъ произведеніе умысленной мстительности и коварнѣйшихъ интригъ. Они должны были судить о немъ, смотря по тому, какъ оно представлено было отъ попечителя; представлено же было оно въ такомъ видѣ, якобы попечитель самъ разсматривалъ и соображалъ его цѣлый годъ, со всею строгостію и безпристрастіемъ. Слѣдовательно не можно уже было думать ни о какомъ дальнѣйшемъ переизслѣдованіи: оставалось только положить наказаніе за преступленіе, которое, какъ казалось, не подлежало никакому сомнѣнію. Да хотя бы и положено было учинить новое по этому предмету изслѣдованіе, то и тогда бы надлежало препоручить его попечителю, что было бы совершенно противно предположенной цѣли, такъ какъ попечитель, съ своей стороны, уже сдѣлалъ все то, что надобно было сдѣлать. Самое наказаніе, каковое положено было гг. министрами, какъ должно-

вавшее состоятъ въ одномъ только изгнаніи меня изъ Россіи, было весьма снисходительное и человѣколюбивое, ибо всякій наставникъ, дѣлающій столь великое злоупотребленіе изъ своей должности, всякій обвиняемый въ развращеніи юношества и людей различныхъ состояній, каковымъ я выставленъ былъ въ представленіи попечителя, долженъ быть почитаемъ человѣкомъ болѣе вреднымъ, нежели каковъ Государственный измѣнникъ, въ особенности по тому что слѣдствія, произтекающія изъ всякаго противуправственнаго ученія или такого, которымъ потрясается добродѣтель, благочестіе и христіанское богослуженіе бываютъ гораздо опаснѣе, распространяются гораздо далѣе, продолжаютъ долговременнѣе и истребляются несравненно съ большею трудностію. *Иже соблазнитъ единого малыхъ сихъ, вѣрующихъ въ Мя, говоритъ Иисусъ Христосъ (Матѣ. XVIII. 6, 7), уне есть ему, да обшится жерновъ осельскій на выи его, и потонетъ въ пучинѣ морстнѣй.* Слѣдовательно, если и учинена со мною самая величайшая и самая наглая несправедливость, то вся вина несправедливости падаетъ не на министровъ, но на сочинителя ложнаго доноса и на попечителя, который побудилъ его составить таковой доносъ и сверхъ того далъ торжественное увѣреніе въ его истинѣ. Что же касается до того, что Харьковскому губернатору приказано было тотчасъ, по полученіи предписанія, выслать меня изъ города и тогда же велѣтъ вывезти меня за границу, такъ что, не взирая на мою жестокою болѣзнь, въ какой я тогда находился, долженъ былъ я внезапно оставить и жену и дѣтей, и домъ, и вещи домашнія, и вообще все мое имущество, съ очевидною опасностію лишиться всей моей собственности, что въ послѣдствіи и случилось,—все это, безъ сомнѣнія, произведено было уже по особливымъ домогательствамъ моихъ непріятелей. Для нихъ крайне нужно было, чтобъ посредствомъ внезапнаго изгнанія меня изъ Россіи приведенъ я былъ въ совершенную невозможность представить что либо высшему начальству для своего оправданія, ибо они знали, что какъ скоро бы мнѣ дозволено было оправдываться, то не только моя невинность и мои заслуги приведены были бы въ извѣстность, но и сами они, за столь дерзкую клевету, каковою меня очернили, были бы наказаны по законамъ. Такое же опасеніе было причиною и тѣхъ, употребленныхъ съ ихъ стороны интригъ, по которымъ доселѣ не выдается ни мнѣ, ни моему несчастному семейству даже и малый остатокъ моего имущества. Ихъ намѣреніе, очевидно, клонится къ тому, чтобъ отнятіемъ у меня всѣхъ вспомогательныхъ средствъ довести меня и мое семейство до совершеннаго разоренія и такимъ образомъ недопустить, чтобъ та ужасная несправедливость, какую они учинили

противъ меня и моего семейства, и то безчестіе, какое они нанесли справедливѣйшимъ и человѣколюбивѣйшимъ министрамъ и даже священнѣйшему имени Государя Императора, могли когда либо выйти наружу. Но такъ какъ они живутъ въ Петербургѣ и знаютъ всѣ пути, могущіе предохранять ихъ отъ опасности, то и могутъ, безъ всякаго затрудненія, выдумывать и употреблять всякую ложь, для опроверженія всего того, что бы я ни писалъ изъ Германіи въ Петербургъ, въ свое оправданіе; а на основаніи этого предположенія, желали они также и того, чтобы мнѣ строго запрещенъ былъ въѣздъ не только въ Россію, но и въ самую Польшу.

Изъ этихъ обстоятельствъ довольно явствуетъ, что, если моя невинность должна быть нѣкогда представлена въ полной ясности, если право оправдывать себя, столь свято сохраняемое между всѣми народами, должно быть нѣкогда предоставлено и мнѣ, то для этого непременно надлежало бы вызвать меня въ Петербургъ и дозволить лично отвѣтствовать въ присутствіи моихъ обвинителей. До тѣхъ поръ, пока этого не будетъ сдѣлано, нельзя будетъ сказать, чтобы мои оправданія были выслушаны. И потому желалъ бы я быть столько же счастливъ, какъ и апостолъ Павелъ въ то время, когда онъ былъ судимъ судіею-язычникомъ. Знатнѣйшіе изъ іерусалимскихъ іудеевъ жаловались на апостола проконсулу Порцію Фесту въ томъ, якобы онъ, по словамъ ихъ, распространялъ пагубное ученіе, и потому просили Феста, дабы онъ, не пріемля никакихъ оправданій отъ апостола, осудилъ его, безъ всякаго дальнѣйшаго изслѣдованія. Но этотъ язычникъ сказалъ имъ нижеслѣдующія достопамятнѣйшія слова: *нѣсть обычай римлянамъ выдати чловека ко́его на погибель, прежде даже оклеветаемый не имать предъ нами клеветующихъ его, и мѣсто отвѣта пріиметь о своемъ согрѣшеніи.* Дѣян. XXV. 16. Для чего же и мнѣ, послѣ столь многихъ доказательствъ моей невинности, послѣ 13-лѣтней моей службы, которую я проходилъ съ искреннѣйшею ревностію, при намѣреніяхъ безкорыстнѣйшихъ и общеплезнѣйшихъ, для чего же и мнѣ не надѣяться подобнаго счастія, равномѣрнаго доказательства правосудія, столь свято почитаемаго и самыми язычниками? для чего не надѣяться сего отъ такого Монарха, коего царствованіе не токмо строгостію правосудія, но и снисходительнѣйшимъ человѣколюбіемъ пріобрѣтаетъ безсмертное уваженіе и признательность отъ цѣлаго свѣта? для чего не ожидать сего отъ тѣхъ министровъ, которые стараются со всею ревностію соотвѣтствовать расположеніямъ своего Монарха? и особенно отъ господина министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, который, по своей приверженности къ добродѣтели, благочестію и ко всему

священному для человѣчества, отнюдь не можетъ быть равнодушенъ къ тому, что, при самомъ его вступленіи въ управленіе министерствомъ, самая гнусная клевета и злонамѣреннѣйшая интрига осмѣлилась столь безсовѣстнымъ и наглымъ образомъ обмануть его и даже совершенно вопреки его правиламъ и благонамѣренности довести до того, что онъ рѣшился сдѣлать несчастнымъ цѣлое семейство такого человѣка, который, неумоимо трудясь день и ночь, старался споспѣшествовать выполненію великаго дѣла, могущаго, посредствомъ благочестиваго и нравственнаго образованія Россійскаго народа, улучшить и возвысить человѣчество, и слѣдовательно такого наставника, который точно былъ таковъ, каковымъ желаетъ быть господинъ министръ всякому наставнику юношества, хотя онъ и рѣшился учинить это потому только, что ему нельзя было не почестъ этого человѣка, на основаніи представленнаго ему отъ Попечителя доноса, имѣвшаго всю благовидность истины, — нельзя было не почестъ этого человѣка развратителемъ юношества и слѣдовательно преступникомъ противъ благосостоянія общественнаго. Какъ? Ужели такой министръ, какъ князь Голицынъ, можетъ быть столько равнодушенъ, чтобы попустить этому несчастному скитаться за-границею и своимъ несчастнѣйшимъ, но вмѣстѣ и безвиннѣйшимъ положеніемъ, сдѣлавшимся его участію, во время его министерства, возбуждать къ себѣ живѣйшее соболѣзнованіе всякаго друга человѣчества? Ужели столь знаменитый другъ человѣчества, столь просвѣщенный и ревностный попечитель христіанства хладнокровно можетъ взирать даже и на самый поводъ къ подозрѣнію, якобы, подъ его начальствомъ, заслуга и невинность были угнетаемы, а клевета была одобряема и награждаема? Или будетъ онъ почитать унизительнымъ для своего достоинства принимать невинность подъ свое покровительство и не воздавать ей должную справедливость тогда, когда тайна злобы и коварства была бы открыта уже въ послѣдствіи? Нѣтъ! Я никакимъ образомъ не могу ожидать ничего подобнаго. Я скорѣе повѣрю, что всеблагому Провидѣнію такъ угодно, чтобы вся тайна этого злодѣянія осталась сокрытой отъ взора человѣколюбиваго министра и чтобы я сдѣлался жертвою злобы. По премудрѣйшимъ Божиимъ судьбамъ, случается очень нерѣдко, что дѣло злобы и ненависти не получаетъ своего рѣшенія въ сей жизни, а предоставляется окончательно и навсегда рѣшить его Судіи Мира въ будущей жизни, гдѣ каждому, со всею точностію, воздано будетъ по дѣламъ его: и отъ сей-то отсрочки рѣшенія нерѣдко здѣсь угнетаемъ бываетъ невинный и торжествуетъ злодѣй, наслаждавшійся всегда постояннымъ счастіемъ и даже умирающій въ нѣдрѣхъ благополучія. А потому, ежели и въ отношеніи ко мнѣ,

такъ угодно всещедрому Отцу человѣковъ и Творцу всей твари, чтобъ я оставленъ былъ всѣми людьми, даже и тѣми, которые и могли, и обязаны были защищать меня, и чтобъ я, такимъ образомъ, неизбѣжно сдѣлался жертвою злобы и несправедливости, то я покоряюсь такому предопредѣленію отъ всего моего сердца, ожидая, съ младенческою довѣренностію, окончательнаго рѣшенія отъ Единаго, Всевѣдущаго, Всесвятаго и Преправеднаго Судіи, отъ котораго не можетъ укрыться никакая тайна клеветы и котораго не обольститъ никакое пресмыкательство лести, не сдѣлаетъ пристрастнымъ никакое лицепріятіе и не устранитъ никакое величіе власти. *Испытай сердца и утробы приведетъ въ извѣстность тайная тѣмъ* и обнаружить всѣ *совѣты сердечные* (1 Кор. VI. 5). *Страшно есть, еже впасти въ руки Бога живаго*, говоритъ апостоль Павелъ (Евр. X. 31); но для угнетаемой въ этомъ свѣтѣ невинности есть начало ея торжества и блаженства то время, когда она переходитъ, изъ рукъ судей, человѣковъ въ руки Судіи и Бога. Къ сему Верховному Судіи я перенесу мое дѣло, коль скоро осужденъ буду всѣми судилищами человѣческими. Ему препоручу свою несчастную супругу, которую, еще при жизни моей, человѣческая злоба сдѣлала вдовою безпріютною. Ему же препоручу и дѣтей моихъ, которыхъ та же злоба низринула въ нынѣшнее ихъ сиротство. Отъ него же буду ожидать себѣ разрѣшенія и въ разсужденіи остатка моего имущества, прибрѣтеннаго многолѣтними трудами для поддержанія моего семейства, если только и жена и дѣти мои будутъ слышать тѣ же отказы въ полученіи его, какіе дѣлаемы были доселѣ. Утонченная хитрость можетъ обмануть людей и самыхъ проницательнѣйшихъ, но Бога никогда.

Я столько увѣренъ въ своей невинности и имѣю столь неограниченную довѣренность къ правосудію русскаго правительства, что, по одному мановенію Его Императорскаго Величества, готовъ немедленно отправиться въ Петербургъ и предстать предъ моихъ обвинителей съ тѣмъ, чтобы я обязанъ былъ въ послѣдствіи подвергнуться всякому наказанію, ежели только, съ моей стороны, не дано будетъ удовлетворительнѣйшаго отвѣта хотя на одно какое либо изъ ихъ обвиненій. Тотъ самый способъ оправданія, который долженъ казаться ужаснымъ всякому преступнику, т. е. такой способъ, по которому бы ему надлежало оправдываться въ присутствіи обвинителей справедливыхъ и судей безпристрастныхъ, я *почелъ бы для себя величайшею милостию*. Я увѣренъ, что непременно буду оправданъ, если только выслушаны будутъ мои оправданія и если судимъ буду по закону строжайшей справедливости, въ какой никогда не отказывается и самому

злѣйшему преступнику. Вижу также и опасность, какой подвергаюсь я въ такомъ случаѣ, ибо очень возможно, что тѣ же самые люди, которые, посредствомъ употребленнаго ими коварства, пріобрѣтеннаго ими покровительства и множества иныхъ способовъ, состоявшихъ въ ихъ распоряженіи, могли, за три года передъ симъ, низринуть меня въ теперешнее мое несчастье, безъ всякой моей вины,—очень возможно, что тѣ же самые люди и такимъ же способомъ довершатъ нынѣ мое несчастье. И древняя, и новая исторія представляютъ множество примѣровъ такихъ людей, которые, при всей ихъ невинности и отличнѣйшихъ заслугахъ, при всемъ праводушіи и человѣколюбіи ихъ правительствъ, пали, подъ усиліями злобы и коварства, яко жертвы законенія. Но я рѣшаюсь предпринять это опаснѣйшее дѣло для своей собственной чести, для своего несчастнаго семейства, для святости дѣла, которое я защищалъ и защищаю, для своей патріотической приверженности къ Россіи, для чести русскаго правительства, на которое тайна содѣяннаго надо мною злодѣянія и клеветы навлекли, со стороны иностранныхъ зрителей дѣла, ненавистную тѣнь, и наконецъ для священнѣйшаго имени Государа Императора, которое беззаконною дерзостію употреблено во зло и обезславлено. Должно дать замѣтить всей Германіи, что невинность въ Россіи, подобно какъ и въ другихъ государствахъ, хотя и можетъ быть доведена до несчастія, посредствомъ какого либо вымышленнаго преступленія, посредствомъ злобнаго и хитраго оклеветанія, но коль скоро ея поведеніе сдѣлается извѣстнымъ и преслѣдованіе тайной злобы очевиднымъ, то невинность никогда въ такихъ случаяхъ не остается безъ защиты, безъ вознагражденія, безъ удовлетворенія. Должно дать замѣтить всей Германіи, что русскаго правительства не почитаетъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые,—не почитаетъ унижительною для своего достоинства принимать подъ свое покровительство того невиннаго, о которомъ оно, будучи обольщено чародѣйственнымъ искусствомъ клеветы, думало сначала совершенно превратнымъ образомъ, но о которомъ нынѣ получило точнѣйшее свѣдѣніе. Для славы и могущества какого бы то ни было правительства, нѣтъ ни малѣйшаго униженія оправдывать дознанную невинность, а напротивъ того всякое правительство подвергается дѣйствительному униженію, когда оставляетъ ее безъ защиты и покровительства противъ насилія злобы.

Но если Его Императорскому Величеству благоугодно будетъ Всемилостивѣйше повелѣть вызвать меня въ Петербургъ съ тѣмъ, чтобъ я принесъ мое оправданіе противу сдѣланнаго на меня доноса, то я, на сей случай, предполагаю, 1) что до того времени, пока не выслу-

шаны будутъ мои оправданія и пока не буду я уличенъ въ какомъ либо преступленіи, поступаемо будетъ со мною не только какъ съ человѣкомъ совершенно невиннымъ, но и какъ съ коллежскимъ совѣтникомъ россійской службы и слѣдовательно привезенъ буду въ Петербургъ не въ видѣ какого либо преступника, но такого чиновника, который проѣзжаетъ совершенно свободно, 2) надѣюсь, что для проѣзда выдано будетъ мнѣ потребное количество прогонныхъ денегъ, 3) желаю, чтобъ, по прибытіи моемъ въ Петербургъ, дозволено было мнѣ, безъ всякаго гражданскаго надзора, жить у моей жены и свободно заниматься моими дѣлами въ городѣ, 4) полагаю, что потребные для моего оправданія способы никоимъ образомъ не будутъ мнѣ затрудняемы. Но коль скоро и при всѣхъ этихъ условіяхъ, по учиненіи строжайшаго и безпристрастнѣйшаго изслѣдованія представленныхъ на меня доносныхъ пунктовъ, останусь я виновенъ хотя въ одномъ какомъ либо преступленіи, тогда пусть дѣлаютъ со мною, что хотятъ; тогда я готовъ буду претерпѣть наказаніе и ссылкой, и заключеніемъ въ темницу, и самую смертію; тогда я не буду жаловаться, хотя бы я наказанъ былъ гораздо строже, нежели какое наказаніе заслуживалъ бы. *Аще бо неправдую, или достойно смерти сотворишъ что, не отмишуся умерети, отвѣтствовалъ апостолъ Павелъ проконсулу Порцію Фесту; аще ли же ничтоже есть во мнѣ, еже сіи на мя клеветуютъ, никто же мя можетъ тѣмъ выдати. Кесаря нарицаю. Тогда Фестъ, состязаяся съ советники, отвѣща: Кесаря ли нарекалъ еси, къ кесарю поидеши.* Дѣян. XXV. 11, 12. И я приѣмлю ту же самую рѣшимость, каковую нѣкогда имѣлъ апостолъ Павелъ, ибо я нахожу себя столько же невиннымъ въ моемъ дѣлѣ, какъ и онъ, почему и объявляю торжественно, что я переношу мое дѣло на разрѣшеніе Всероссійскаго Монарха, нарицаю кесаря христіаннѣйшаго, правосуднѣйшаго и человѣколюбивѣйшаго, ожидая, съ полною довѣренностію, отъ Его Императорскаго Величества себѣ оправданія и защиты.

Но быть можетъ, что и сей одной записки достаточно будетъ для совершеннаго удостовѣренія о моей невинности, такъ что не найдено будетъ уже нужнымъ вызывать меня въ Петербургъ, для дальнѣйшаго изслѣдованія моего дѣла. Если такое мое предположеніе оправдано будетъ самымъ событіемъ, то я умоляю правительство о пощадѣ и помилованіи моихъ непріятелей. Объявляю торжественно, что я не желаю имъ никакого за себя возмездія. Богъ свидѣтель, что молюсь о нихъ каждадневно съ искреннѣйшимъ усердіемъ, дабы они исправили свое поведеніе, признали свою несправедливость и были бы временно и вѣчно благополучны. Двое изъ тѣхъ, которые способствовали намѣ-

реніямъ Дегурова и графа Потоцкаго, умерли въ прошедшемъ году, въ одно время. Дай Богъ, чтобъ они, по крайней мѣрѣ, предъ своею смертію, раскаялись въ своей несправедливости и обрѣли бы въ Богѣ своего милосерднаго Судію! Дай Богъ, чтобъ я, къ моему вѣщшему благополучію, могъ найти ихъ въ будущей жизни моими помилованными собратіями! Сего же желаю я и всѣмъ прочимъ, въ живыхъ находящихся, моимъ непріателямъ, обвинителямъ и оклеветателямъ. Примиреніе, вѣчное примиреніе да будетъ между ими и мною! Я столько удаленъ отъ духа мстительности, что, еслибы получилъ я удовлетвореніе самое блистательнѣйшее, и участь моя обратилась бы въ наисчастливѣйшую, то и тогда бъ я не могъ быть счастливымъ, если бы зналъ, что они сдѣлались несчастными чрезъ меня. Есть и безъ того довольно несчастій въ семь свѣтѣ. Я отнюдь не желаю, чтобъ кто либо сдѣлался несчастнымъ, чтобъ кто либо сѣтовалъ или проливалъ слезы чрезъ меня. Даже и тогда, когда бъ я искушаемъ былъ всѣми несчастіями, и до самаго гроба ничего бъ иного не предвидѣлъ, кромѣ злополучія, и тогда желалъ бы я осушить слезы всякаго несчастнаго, видѣть каждаго благополучнымъ и радоваться самому мнѣ, по крайней мѣрѣ, смотря на благополучіе ближняго. Всякій тотъ, кто питаетъ въ сердцѣ своемъ хотя малѣйшую мстительность, не есть уже христіанинъ. Иисусъ Христосъ умеръ за всѣхъ насъ, грѣшниковъ сущихъ (Римл. V. 6); посему и мы должны не только прощать враговъ своихъ, но и умирать за нихъ (1 Іоан. III. 16), если того потребуютъ обстоятельства. И такъ я умоляю Бога и людей о помилованіи моихъ непріателей.

Для себя въ особенности я ничего иного не прошу, какъ только, чтобы Всемилостивѣйше пожаловано было мнѣ обѣщанное Его Императорскимъ Величествомъ въ утвержденной грамотѣ Харьковскаго университета (§ 18) вознагражденіе тѣмъ чиновникамъ, кои, въ продолженіи многихъ годовъ, исправно служили при университетѣ и кои, за старостію или слабостію здоровья, не могутъ болѣе служить при немъ. 13 лѣтъ служилъ я при Харьковскомъ университетѣ съ отличнѣйшимъ усердіемъ, ревностію и патріотизмомъ, такъ что, можетъ быть, ни одинъ служащій въ Россіи профессоръ столько не жертвовалъ собою своей службѣ, какъ я. И днемъ и ночью трудился я для достиженія цѣли моего назначенія. Весь день проводилъ я въ преподаваніи изустныхъ наставленій, частію у себя въ домѣ и даже большую часть ночи, вмѣсто необходимо нужнаго отдохновенія, употреблялъ я на сочиненіе такихъ книгъ, въ которыхъ бы остались сѣмена, могущія и послѣ моей смерти возникнуть и принести спасительные плоды. Да и универси-

теть, съ своей стороны, имѣлъ такую довѣренность къ моей благонамѣренности и свѣдѣніямъ, что поручалъ мнѣ многія постороннія дѣла, совсѣмъ не относящіяся къ моей профессіи, на какую я былъ вызванъ. Въ числѣ такихъ дѣлъ исправлялъ я цѣлыя 7 лѣтъ должность секретаря при университетскомъ совѣтѣ, проходя ее съ такою исправностію и благоразуміемъ что во всю бытность мою секретаремъ не было ни одной тяжёлой ссоры въ университетѣ, какъ это видѣть можно изъ протоколовъ, веденныхъ мною по дѣламъ совѣта. Но какъ скоро Стойковичъ, въ качествѣ ректора, поручилъ эту должность другому, тотчасъ начались унушенія, интриги и распри между профессорами и усилились до такой степени, что университетъ, столь много обѣщавшій съ самаго начала, доведенъ былъ въ послѣдствіи до крайняго разстройства, изъ котораго не иначе можетъ и освободиться, какъ совершенно новымъ преобразованиемъ его. Много разъ я былъ также деканомъ и сочленомъ университетскаго правленія. Изъ учебныхъ же должностей исправлялъ я не одну только профессорскую по части теоретической и практической философіи, но сверхъ того избранъ былъ университетскимъ совѣтомъ для обученія нѣмецкому и латинскому языкамъ и словесности. Наконецъ, по порученію того же совѣта, сочинялъ я различныя книги для гимназій и издалъ латинскихъ классиковъ. Не ограничиваясь этими занятіями, писалъ я иныя многія сочиненія, по собственному побужденію, и издавалъ ихъ своимъ издѣвиемъ. Сверхъ всего этого, по особенной просьбѣ студентовъ, равно какъ и нѣкоторыхъ ученыхъ изъ городскихъ обывателей, а особенно священниковъ греко-россійской церкви, преподавалъ я у себя въ домѣ частнымъ образомъ свою философію, въ извѣстные часы, удовлетворяя просьбѣ съ удовольствіемъ и поставляя ее себѣ за честь. Какъ изустные мои уроки, такъ и мои сочиненія принимаемы были съ такимъ одобреніемъ, какимъ не пользовался ни одинъ изъ прочихъ профессоровъ. Не безызвѣстно, что высокопреосвященнѣйшій митрополитъ Амвросій купилъ значительное количество моихъ сочиненій для раздачи ихъ греческому духовенству, ибо онъ видѣлъ, что духъ моей философіи есть духъ благочестія, добродѣтели и христіанства. Это же самое побудило и священниковъ греческой церкви просить меня о преподаваніи имъ уроковъ изъ моей философіи. Многіе изъ петербургскихъ ученыхъ выписывали мои сочиненія. И эта то благопріятная для меня молва, эти то лестные отзывы ученыхъ любителей христіанскаго благочестія были причиною, что Ея Императорскому Величеству, Государынѣ Императрицѣ Елисаветѣ Алексѣевнѣ благоугодно было послать мнѣ въ подарокъ за мои сочиненія драгоцѣнную табакерку, съ изъявленіемъ Ея

милостивѣйшаго ко мнѣ благоволенія. Всѣ эти обстоятельства служатъ доказательствомъ не только моей невинности, но и моихъ отличныхъ услугъ. Что же касается до обвиненій, каковымъ подверглись тѣже самыя книги, то тутъ не моя вина, но злоба оклеветателей. Всякій кто бы ни прочелъ мои сочиненія, всякій увидѣлъ бы, что, при составленіи и изданіи ихъ, имѣлъ я не иное какое либо намѣреніе, какъ только желаніе способствовать распространенію добродѣтели, благочестія, христіанства, любви къ отечеству и благу человѣчества вообще. Столь священное, столь благодѣтельное намѣреніе заслуживало бы не наказанія, но одобренія и награды. Въ дополненіе всего вышесказаннаго нельзя не замѣтить, что всѣ мои сочиненія изданы были съ одобренія университетской цензуры, исключая одного „*О славнѣйшихъ гражданахъ города Рима*“, хотя я и просилъ подвергнуть его цензурѣ, но оно однакожь не было разсматриваемо цензурою по той причинѣ, что всѣ сочиненія, поручаемыя какому либо профессору университетскимъ совѣтомъ, издаются безъ разсмотрѣнія цензуры, на основаніи университетскихъ по сему предмету постановленій. Какимъ-же образомъ можно было, послѣ сего, обвинять меня даже и въ томъ, что я, какъ иностранецъ, по моему невѣдѣнію частныхъ россійскихъ соотношеній, можетъ быть, и не досмотрѣлъ чего либо въ моихъ сочиненіяхъ? Положимъ, что есть въ моемъ естественномъ правѣ нѣчто такое, что не совсѣмъ соотвѣтствуетъ Россійскому законоположенію, образу правленія, особливимъ какимъ либо намѣреніямъ гражданскимъ или церковнымъ; но за это долженъ бы былъ отвѣтствовать цензоръ, а не я, который, какъ чужестранецъ, могъ и не знать всѣхъ Россійскихъ соотношеній въ подробности. Цензоръ же этого сочиненія былъ профессоръ Успенскій, природный россиянинъ, ревностный патріотъ, человѣкъ весьма свѣдущій въ россійскомъ законоположеніи и обучавшій въ Харьковскомъ университетѣ россійскимъ правамъ. Но отъ этого профессора никогда не требовано было отвѣта за цензуру одобреннаго имъ сочиненія, чему однакожь надлежало бы быть по необходимости, еслибы хотя одно изъ представленныхъ на мое сочиненіе обвиненій было основательно, а особенно то обвиненіе, по которому книга моя должна заключать въ себѣ явныя порицанія россійскихъ постановленій. Цензоръ Успенскій никогда бы не пропустилъ, никогда бы не оставилъ въ моей рукописи ничего такого, что имѣло бы хотя нѣкоторое отдаленнѣйшее сходство съ обвиненіемъ подобнаго рода. А потому и одно это обстоятельство, что цензоръ упомянутой книги никогда не подлежалъ никакой отвѣтственности—ни доносу, по содержанію книги, хотя онъ и долженствовалъ бы быть по сему дѣлу судимъ преимущественно,

такъ какъ природный россиянинъ и профессоръ російскаго права, ко-
ему нельзя было не знать всего вообще, что противно Россійскимъ за-
конамъ и постановленіямъ, а потому и одно это обстоятельство слу-
жить неоспоримымъ доказательствомъ не только моей невинности, но
вмѣстѣ и того, что сочинитель обвиненій, вопреки своему внутреннему
сознанію о моей невинности, хотѣлъ уязвить меня посредствомъ окле-
ветанія. Онъ долженъ былъ умолчать о лицѣ цензора, ибо предвидѣлъ,
что еслибы онъ рѣшился обвинять и цензора, то не могъ бы довести
меня до предполагаемаго имъ несчастія; цензоръ принужденъ бы былъ
сильно защищаться противъ такого обвиненія, а чрезъ то обнаружилъ
бы и мою невиновность. Изъ этого явствуетъ, что, съ какой бы сто-
роны ни разсматриваемо было мое дѣло, отовсюду очевиднѣйшимъ
образомъ усматривается моя невинность.

Но для чего исчисляю я всѣ эти обстоятельства? Пусть лучше
изслѣдована будетъ самая книга; пусть сличены будутъ доносные пункты
съ самыми мѣстами книги; пусть, по крайней мѣрѣ, бѣглымъ образомъ
прочтена будетъ вся книга, и тогда окажется само собою, что обвини-
тельные пункты суть не иное что, какъ явная клевета и что доселѣ
ни одна книга подобнаго содержанія не написана была съ такимъ чув-
ствомъ нравственности, христіанскаго благочестія и преданности къ
отечеству, какъ это потомъ окажется само собою, что вся книга не
иное что заключаетъ въ себѣ, какъ священный Его Императорскаго
Величества союзъ, представленный въ полной системѣ; тогда окажется
само собою, что если такіе наставники, каковъ сочинитель книги, бу-
дутъ изгоняемы изъ Россіи, то и всѣ благодѣтельнѣйшія и благора-
зумнѣйшія учебныя заведенія, учрежденныя Его Императорскимъ Ве-
личествомъ для образованія Россійскаго народа и поддерживаемыя Его
щедротами и отеческою попечительностію, по необходимости, должны
будутъ разрушиться; ибо какіе уже послѣ сего должны будутъ оста-
ваться въ Россіи учителя? или какіе люди вновь опредѣляемы будутъ
къ учительскимъ должностямъ? Если я, по моимъ правиламъ и ученію,
былъ развратителемъ Россійскаго юношества, совершенно заслуживав-
шимъ то наказаніе, каковое меня постигло; то надобно послѣ этого
избирать и опредѣлять такихъ учителей, которые бы отвергали добро-
дѣтель, благочестіе, христіанское ученіе, любовь къ отечеству и вну-
шали бы такія же мысли и расположенія обучающемуся у нихъ юно-
шеству; и такимъ образомъ послѣшили бы изъ мужественнаго Рос-
сійскаго народа образовать такой народъ, каковы были французы во
время революціи. Но, какъ кажется, такое точно и имѣютъ намѣреніе
всѣ тѣ находящіеся въ Россіи порицатели моихъ и моимъ подобныхъ

сочиненій, которые съ явнымъ безстыдствомъ, возстають и на сочиненія, и на сочинителей, доводя и самыя семейства этихъ послѣднихъ до глубочайшаго несчастія; въ противномъ случаѣ всякій, читающій изданныя мною книги, долженъ бы былъ крайне изумляться, рассуждая объ участи, постигшей меня въ Россіи.

И такъ, я надѣюсь, что во уваженіе моей невинности, подтверждаемой всѣми обстоятельствами, — моей службѣ, какую я проходилъ при Харьковскомъ университетѣ въ продолженіи тринадцати лѣтъ; — и моей отличнѣйшей ревности и неоспоримыхъ заслугъ, оказанныхъ мною университету, удостоенъ буду и я той же милости, какую Его Императорское Величество обѣщалъ въ утвердительной грамотѣ университета всѣмъ подобнымъ мнѣ профессорамъ предъ лицомъ цѣлой Европы. Въ грамотѣ сказано, что такимъ профессорамъ, въ вознагражденіе ихъ службы, обращается годовое ихъ жалованье въ пенсіонъ по смерти. Этою Высочайшею милостію я бы былъ достаточно вознагражденъ за всё несчастіе, за всѣ страданія, въ какія низринули меня зложелательство и клевета. Этою же милостію приобрѣло бы и Россійское правительство наивысшее къ себѣ уваженіе и разсѣяло бы всѣ предосудительныя мнѣнія иностранцевъ, къ каковымъ подало поводъ вышеупомянутое мое приключеніе.

Если же, по какимъ либо, для меня совершенно неизвѣстнымъ причинамъ, лишенъ я буду навсегда всякой милости, то прошу усерднѣйше, по крайней мѣрѣ, не задерживать долѣе остатка моего имущества, назначаемаго мною въ пользу моей жены и моего сына. Вѣрныя копіи съ векселей на полученіе его препровождены мною къ господину министру духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, князю Голицыну. По полученіи же денегъ, прошу покорнѣйше выдать одну половину изъ нихъ моей женѣ, находящейся теперь въ Петербургѣ, а другую переслать къ моему сыну, обучающемуся теперь, подъ моимъ надзоромъ, медицинскимъ наукамъ въ Ленѣ. Деньги, принадлежащіе сыну, могутъ быть переданы въ Веймаръ, на имя тамошняго великогерцогскаго правительства, которое, по своему человеколюбію, будетъ употреблять ихъ такъ, чтобы сынъ мой могъ, при этомъ пособіи, окончить свои науки. Для себя самого я не оставляю ни одной копейки. Жертвую собою Иисусу Христу, коего ученіе я защищалъ и за имя коего претерпѣваю мое теперешнее несчастіе. Буду утѣшаться тѣми священнѣйшими истинами, которые составляютъ мое вѣроисповѣданіе и которыя изложены мною въ приложеніи В: онѣ, подобно ангеламъ хранителямъ, будутъ охранять меня на пути къ лучшей жизни и сопровождать до самаго престола того Судіи, предъ которымъ не можетъ

не быть посрамлена всякая клевета. Я довольно богатъ и тѣмъ, что имѣю моимъ покровителемъ и другомъ самого Бога. *Тотъ слишкомъ любостяжателемъ*, какъ говоритъ учитель церкви Августинъ, для кого не довольно имѣть самого Бога.

Наипреданнѣйшій слуга, преждебывшій профессоръ философіи и латинской словесности при Харьковскомъ университетѣ, коллежскій совѣтникъ *Иоаннъ Шадъ*.

Іена. 2-го Февраля 1820.

Такова оправдательная записка Шада. За нею помѣщены образцы его религіозной поэзіи. Вотъ одинъ изъ такихъ образцовъ.

Въ этихъ стихахъ, сочиненныхъ мною для собственнаго моего назиданія, говоритъ Шадъ, заключаются всѣ тѣ священныя истины, на коихъ основана моя философія. И потому они для меня суть мое вѣроисповѣданіе.

Природа, человѣкъ, Богъ-Творецъ и Искупитель.

Сколь сладостна, сколь восхитительна брачная пѣснь твоя, любезный соловей! Рѣки радостей текутъ въ душѣ моей, внимающей твоему пѣнію,—рѣки радостей, упоевающихъ блаженныя души, оглашаемые пѣніемъ лика ангеловъ.

Сколь невинны твои радости, сколь чужды всякаго прискорбія, уязвляющаго сердце человѣка, и сколь чисты, непорочны твои увеселенія. Ты живешь безъ скорби, безъ заботъ, близъ маленькаго ручейка, въ своей зеленолиственной кущицѣ.

Ты не знаешь никакого неистоваго побужденія; твоя пища и твоя супружеская любовь суть твои единственныя заботы и вмѣстѣ удовольствія. Сколь любезны твои шуточные подражанія, каковыми ты, сидя на тонкой, колеблющейся вѣтви, отвѣтствуешь въ часы веселыхъ пѣсней или супругѣ твоей, или твоимъ собратіямъ!

Ты живешь въ этой рощицѣ совершенно свободенъ, не зная ни неволи, ни принужденности: и юная Нонна (инокиня), смотря на твое состояніе, съ сердечнымъ уныніемъ говоритъ сама въ себѣ: „О! если бы была я столь же счастлива, какъ и ты“.

Твоя супруга, исполненная матерней попечительности, сидитъ день и ночь въ гнѣздѣ, для будущихъ птенцовъ своихъ, и, можетъ быть, къ заутреннему утру уже сдѣлается матерью. Какую радость долженъ ты чувствовать тогда, какъ радостныя пѣсни дѣтей твоихъ будутъ раздаваться въ сей же самой рощицѣ, въ твоемъ присутствіи!

О! дай Боже, чтобъ никакой жестокой человѣкъ не могъ похитить изъ сей благословенной колыбели дражайшихъ птенцовъ твоихъ. Его алчность ничѣмъ такъ не утѣшается, какъ добычею невинности и кровію дѣтей твоихъ.

Удалившись отъ страны невинности и свободы, онъ ни мало не чувствуетъ своихъ оковъ, своего порабощенія той блистательной образованности, которая заставляетъ его служить прихотямъ порока, издѣваться надъ невинностію и стыдиться природы.

Всякій, черпающій мудрость изъ кладязей буйства и утоляющій алчбу благополучія болотною грязью неестественности, — всякій такой, по необходимости, гнушается истинными удовольствіями человѣчества, и съ скотскою надменностію погрязаетъ въ нечистотахъ порока.

Единая добродѣтель есть чистѣйшій и преизобильный источникъ, протекающій по пустынѣ сего свѣта, — источникъ всякаго благословенія, есть вѣрнѣйшій руководитель, возводящій къ матернимъ нѣдрамъ природы и увѣнчивающій розами радостей, достойныхъ цѣли человѣка.

О природа! отъими отъ насъ тяготу неестественности и чрезъ искусство научи насъ искусству быть тѣмъ, что ты, — ты, которая, будучи дочерію безпредѣльнаго духа, представляешь образъ его божественности и составляешь самую душу духовъ.

Всѣ вещи суть чада божественнаго разума, суть прелестнѣйшіе звуки вѣчной гармоніи, суть такіе исполнители воли существа Всевѣтнѣйшаго, которые, не зная сами своего назначенія, достигаютъ вѣрно своей цѣли и составляютъ симпатическое цѣлое.

Самый прахъ есть одежда божества, но Его существо наиболѣе усматривается въ человѣкѣ. Онъ лишентъ своего прежняго мѣстопробыванія за грѣхъ, но борьбою и побѣдою надъ ангеломъ тьмы онъ долженъ возратить потерянное небо и вознестися къ Богу.

Путь къ высочайшему достоинству Бога идетъ чрезъ глубину ада, гдѣ иго креста обращается въ престолъ блаженства. Изъ ночи рождается день; изъ заблужденія стремленіе къ мудрости; изъ смраднаго гніенія безконечная жизнь.

Преступленіе, погрузившее человѣка въ глубину растлѣнія, возбудило въ его сердцѣ божественную искру свободы, удобовозрастающую въ пламенное море рвенія ко всякому благу. Одна минута свободного преодоленія драгоцѣннѣе пребыванія въ колыбели невинности и самыхъ прелестей вѣчнаго дѣтства.

Если небо невинности уже потеряно, то всякій человекъ, какъ раждаемый въ нечистотѣ порока, раждается на подвигъ брани. Очень низко было состояніе невинности, въ сравненіи съ тѣмъ солнцеобразнымъ величіемъ добродѣтели, каковое пріобрѣтается покаяніемъ и пламеннымъ рвеніемъ брани.

Крайняя цѣль человека есть быть Богомъ, и потому ни что земное не удовлетворяетъ его, ни даже благоденствіе Эдема. Вѣчная любовь, покрытая кровавою одеждою, возводитъ его отъ самаго края гибели до престола Бога, въ благодѣіи и образъ Бога.

О Божественная любовь! Ты дыханіемъ устъ твоихъ, въ пустотѣ ничтожества сотворила вселенную. Ты, свѣтомъ лица твоего, озарила миліоны солнцевъ. Ты хочешь,—и расширяются міры, исполненные блаженнѣйшихъ сладостей для духовъ безчисленныхъ.

Но ахъ! человекъ, украшенный твоимъ подобіемъ, поселенный въ раю сладостей, тебѣ не покоряется; возвергаетъ вину непокорства на Творца своего и Ты, о безпредѣльная любовь.—Ты умираешь, за его преслушаніе, на Голгофѣ.

Любовь безъ жертвы—адъ: одною только полнотою чаши горестей утоляются ея радостныя страданія. И самъ Богъ, какъ бы не довольствуясь собственнымъ блаженствомъ, находитъ свое вящее блаженство въ томъ, чтобъ видѣть его пожертвымъ на его алтарѣ.

Преступленіе слезнымъ окомъ помаваетъ Сыну Божію снизойти съ престола величествія до униженія сына земнородныхъ. Ужаснися, небо! Богъ низходитъ умереть въ прахъ, дабы воздвигнуть прахъ изъ гроба и вознести до высоты Божія сына и наслѣдника.

Творецъ міра, всесвятый, умираетъ на древѣ крестномъ, подобно отягченному проклятіемъ грѣшнику; умираетъ, терпя наказаніе за чужія преступленія; умираетъ въ видѣ агнца, заколаемаго отъ сложенія міра.

Блаженствуй, преступленіе, единственный источникъ горестей! ты будешь отселѣ цвѣсти во святилищѣ и приносить плодъ сыновъ Божіихъ. Блаженствуйте, бездны, вмѣстилища преступниковъ. Кровь искупителя, пролитая на крестѣ, претворяетъ васъ въ обители небесныя.

Сей великолѣпный театръ міра представляетъ мнѣ нынѣ въ Творцѣ моемъ отца и друга—искупителя; такъ, всѣ твари суть зеркало любви, печать вѣчнаго примиренія положена на всей вселенной.

Да воинствуетъ убо всякой, омытый кровію Христовою, да умерщвляетъ силу грѣха, и всего себя да посвятитъ кресту Распятаго, ибо симъ только способомъ пріобрѣтается вѣнецъ побѣды и престолъ богоподобія въ царствѣ славы.

ХІІ.

Послѣднія ходатайства.

Ни записка, ни религіозная поэзія цѣли не достигли: Шадъ снова получилъ отказъ. Послѣ этого онъ замолкъ на 7 лѣтъ. Но съ воцареніемъ Императора Николая Павловича сдѣлалъ новую послѣднюю попытку напомнить о себѣ и о своемъ злосчастномъ дѣлѣ. Въ 1827 году онъ отправилъ на имя министра народнаго просвѣщенія слѣдующее письмо. „Изъ сочиненій моихъ, которыя я Вамъ за два года переслалъ, безъ сомнѣнія Вы усмотрѣть изволили, что я не за какое либо преступленіе, но чрезъ коварное оклеветаніе отъ должности моей былъ отставленъ безъ всякой законной причины, и былъ высланъ изъ Россіи, не зная обвиненій, которыми непріатели мои меня оклеветали. Сочиненія мои, сочтенныя развратными, содержатъ совсѣмъ противное и доказываютъ не только мою невинность, но и заслуги мои Харьковскому университету, и кто ихъ со вниманіемъ прочитаетъ, тотъ удостовѣрится ясно, что одна живѣйшая ревность къ добродѣтели, вѣрѣ христіанской и русской имперіи ихъ одушевляютъ.

Но такъ какъ обстоятельства, которыя за два года справедливости и благосклонному сердцу Вашего Высокопревосходительства причиняли препятствія, теперь перемѣнились; то я съ полнымъ упованіемъ дерзаю повторить покорнѣйшую мою просьбу о ежегодной пенсіи, которую Его Императорское Величество блаженной памяти *Государь Императоръ Александръ І* каждому профессору въ Харьковѣ, безъ вины своей больше служить не могущему, въ законахъ университетскихъ назначилъ. Въ нихъ же предписано слѣдующее: 1) Ежели проф. безъ вины своей болѣе служить не можетъ, то получаетъ половину жалованья своего, т. е. 1000 руб. пожизненной пенсіи. 2) Если же онъ пріобрѣлъ себѣ особенныя достоинства въ продолженіи своей службы, то опредѣлено ему полное жалованье по 2000 руб. Сочиненія мои служатъ явнымъ доказательствомъ моихъ заслугъ Харьковскому университету. Основываясь на этихъ университетскихъ узаконеніяхъ, которыя блаженной памяти Государемъ Императоромъ Александромъ І утверждены, ходатайствомъ Вашего Высокопревосходительства осмѣливаюсь просить Его Императорское Величество нынѣ царствующаго Государя Императора Николая Павловича какъ блюстителя законовъ и справедливости всемилостивѣйше опредѣлить мнѣ по заслугамъ моимъ пожизненную пенсію. За эту Высочайшую милость, при старости моей и безпрестанныхъ болѣзняхъ столь необходимую, до смерти буду питать

глубочайшую благодарность, и она послужить мнѣ поощреніемъ къ довершенію того, что я прежде въ Россіи философскими моими сочиненіями хотѣлъ привести въ дѣйствіе, а именно—христіанской вѣрѣ противъ нынѣшняго вольнодумства дать непоколебимую подпору. Хотя бы я могъ дожить до глубокой, старости, однакожъ, имѣя уже 69 лѣтъ отъ рожденія, немогу долго пользоваться пенсією, слѣдуемой мнѣ по статутамъ университетскимъ. Вашему же Высокопревосходительству пріятно будетъ чувство усладить по крайней мѣрѣ послѣднія лѣта жизни гнусною клеветою угнетеннаго человѣка. Уповаю на эту Высочайшую милость съ особеннымъ къ особѣ Вашей благоговѣніемъ пребуду Вашего высокопревосходительства глубочайшій читатель коллежскій совѣтникъ и профессоръ философіи при Іенскомъ университетѣ Иванъ Шадъ.

Іена. Февраля 27. 1827.

Р. S. Я имѣлъ счастье въ 1816 году въ Харьковѣ говорить съ Его Императорскимъ Величествомъ нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ, тогдашнимъ Великимъ Княземъ Николаемъ Павловичемъ въ то самое время, какъ соперники начали на меня въ С.-Петербургѣ доносить, и я имѣлъ счастье вручить ему свои сочиненія съ просьбою, въ которой все изъяснилъ, что принадлежитъ до обвиненій и покорнѣйше просилъ, чтобы сочиненія мои строжайшимъ образомъ были изслѣдованы и мнѣ позволено бы было оправдаться, потому что непріатели мои старались тогда довести дѣло до того, чтобы меня безъ всякаго разбисканія судили. Его Императорское Величество соизволилъ мнѣ послѣ въ Берлинѣ чрезъ тамошняго посланника объявить, что онъ къ сожалѣнію не можетъ въ этомъ дѣлѣ дать помощи, потому что обстоятельства не позволяютъ вмѣшиваться въ него. Я немогу себѣ представить, чтобы Его Императорское Величество нынѣ царствующій Государь Императоръ Николай Павловичъ милостивѣйшія свои намѣренія въ разсужденіи меня перемѣнилъ, особенно когда теперь совѣмъ въ Его Высочайшей состоитъ власти принять мою всенижайшую просьбу о ежегодной пенсіи. Если же мнѣ сверхъ чаянія по нынѣшнимъ законамъ Россійскимъ нельзя ожидать отъ Милости Его Императорскаго Величества Государя Императора Николая Павловича ежегодной пенсіи, то я ласкаю себя надеждою, что по крайней мѣрѣ нѣкоторымъ образомъ вознаграждены будутъ потери, внезапнымъ отрѣшеніемъ меня отъ должности причиненныя, ибо я чрезъ это неожиданное удаленіе изъ Россіи лишился всего своего имѣнія и претерпѣваю теперь во всемъ крайнюю нужду, не получая никакого жалованья и безпрестанно находясь въ болѣзненномъ состояніи.

Пересмотръ дѣла Шада былъ порученъ извѣстному Ширинскому-Шахматову, который, ознакомившись обстоятельно со всѣми документами, далъ о немъ слѣдующее заключеніе: „Чтобы изъяснить по совѣсти какое нибудь рѣшительное мнѣніе о дѣлѣ Шада и объ участи, достойно или безвинно его постигшей, должно бы кромѣ присланныхъ ко мнѣ бумагъ разсмотрѣть и доносъ г. Дегурова и бывшее въ совѣтѣ Харьковскаго университета производство и непринятія этимъ совѣтомъ мнѣнія профессоровъ Каменскаго и Рейта, наконецъ должно бы еще прочесть и книги г. Шада, какъ тѣ, которыя были напечатаны въ Россіи, такъ и другія, изданныя имъ въ Германіи, объ нихъ упоминается въ отношеніи князя А. Н. Голицына къ графу Каподистрія ¹⁾. Вы скажете, что это невозможно, и я согласенъ съ вами, но безъ этого также невозможно (мнѣ по крайней мѣрѣ) объявить Шада виноватымъ или невиновнымъ. Въ запискѣ министра просвѣщенія, по которой судилъ комитетъ министровъ, и въ донесеніи попечителя обвиненія на него въ такихъ общихъ выраженіяхъ, что, сличая ихъ съ отвѣтами Шада, мудрено рѣшить о степени основательности или неосновательности его оправданій. Я замѣтилъ только, что эти обвиненія становятся сильнѣе, переходя изъ одной бумаги въ другую, изъ донесенія попечителя въ записку, которая внесена въ комитетъ министровъ, а потомъ изъ этой записки въ отношеніе къ графу Каподистрія. Замѣчаю еще, что изъ дѣла не видно, возвращены ли Шаду 10800 руб., которыхъ онъ требовалъ съ какихъ то должниковъ его“.

Въ 1828 г. въ Петербургъ пріѣхалъ сынъ Шада и подалъ прошеніе такого содержанія:

Всемилостивѣйшій Государь!

Отецъ мой, коллежскій совѣтникъ Иванъ Шадъ, теперь экстраординарный профессоръ въ Іенѣ, служилъ тринадцать лѣтъ профессоромъ философіи при Харьковскомъ университетѣ и всегда имѣлъ счастье пользоваться уваженіемъ своего начальства. Въ 1813 году тогдашній министръ народнаго просвѣщенія графъ Разумовскій предписалъ ввести Логику его, сочиненную на латинскомъ языкѣ, не только въ Харьковскомъ университетѣ, но и во всѣхъ гимназіяхъ Россійской Имперіи и Ея Императорское Величество блаженной памяти Государыня Императрица Елисавета Алексѣевна, увѣряясь о пользѣ его сочиненій, благоволила въ 1816 году наградить заслуги его драгоцѣннымъ подаркомъ и одобрить его труды чрезъ министра народнаго просвѣщенія

¹⁾ Leben und Schicksale des unwürdigen Verters Sincerus и пр.

графа Разумовскаго всемилостивѣйшею и лестною похвалою. Но нѣсколько мѣсяцевъ спустя послѣ того отецъ мой лишился всего своего немаловажнаго имѣнія неожиданнымъ и внезапнымъ отрѣшеніемъ отъ должности и удаленіемъ изъ Россіи и нынѣ на семидесятомъ году отъ роду претерпѣваетъ во всемъ крайнюю нужду, не получая никакого жалованья и безпрестанно находясь въ болѣзненномъ состояніи. Въ 1816 году, въ то самое время, когда непріатели его начали въ Санктпетербургѣ доносить на него, имѣлъ онъ счастье представляться въ Харьковѣ Вашему Императорскому Величеству и поднести Вамъ свои сочиненія, Ваше Императорское Величество благоволило въ 1817 году въ Берлинѣ чрезъ тамошняго Россійскаго посланника приказать объявить отцу моему о принимаемомъ Вами въ несчастномъ положеніи его участіи. Нынѣ, Всемилостивѣйшій Государь, дерзая утрудить Ваше Императорское Величество этою всеподданнѣйшею просьбою и ласкаясь надеждою, что всемилостивѣйшее благорасположеніе Ваше въ пользу несчастнаго моего отца не переменилось; осмѣливаюсь всеподданнѣйше просить о вознагражденіи отца моего за потери, понесенныя имъ при внезапномъ отрѣшеніи его отъ должности, и этою Монаршею милостию усладить послѣднія лѣта жизни добродѣтельнаго человѣка и усерднаго слуги. Въ твердомъ упованіи на Высочайшую милость Вашего Императорскаго Величества, съ глубочайшимъ благоговѣніемъ есмь Вашего Императорскаго Величества всеподданнѣйшій Германъ Густавъ-Фридрихъ Шадъ, докторъ философіи.

Санктпетербургъ.

Февраля 1-го числа 1828 г.

Министръ народнаго просвѣщенія потребовалъ заключенія попечителя Харьковскаго учебнаго округа гр. Перовскаго и тотъ далъ отъ себя слѣдующій отзывъ.

На предписаніе Вашего Высочайшаго Превосходительства отъ 24 текущаго февраля, съ препровожденіемъ въ копіи всеподданнѣйшаго прошенія доктора философіи о вознагражденіи отца его, служившаго профессоромъ философіи при Харьковскомъ университетѣ, за потери, понесенныя имъ при внезапномъ отрѣшеніи его отъ должности, честь имѣю отвѣтствовать, что вышеозначенное всеподданнѣйшее прошеніе г. Шада, я нахожу заслуживающимъ уваженія, тѣмъ болѣе, что старость и болѣзнь отца его, котораго я имѣлъ случай видѣть въ бытность мою за границею,—при весьма недостаточномъ его состояніи, дѣйствительно требуютъ пособія. И потому я полагаю бы вознаградить его исходатайствованіемъ Высочайшаго соизволенія на выдачу ему изъ хозяйственной суммы Харьковскаго университета десяти ты-

сячъ рублей единовременно, съ опредѣленіемъ въ пенсіонъ по смерти половину жалованья, какое онъ получалъ въ семъ университетѣ по должности ординарнаго профессора, т. е. по одной тысячѣ рублей въ годъ изъ университетской же суммы, на пенсіоны назначенной.

Такое мнѣніе мое честь имѣю предать лучшему благоусмотрѣнію Вашего высокопревосходительства. Попечитель *Ал. Перовскій*.

28 Февраля 1828.

Казалось, обстоятельства на этотъ разъ складывались вполне благоприятно для несчастнаго Шада, но въ дѣйствительности вышло иначе—просьбу Шада велѣно было оставить безъ послѣдствій.

ХІІІ.

Общее заключеніе.

Спрашивается теперь, въ какой мѣрѣ можно признать убѣдительными оправданія Шада по поводу взведенныхъ противъ него обвиненій. Несомнѣнно, что они способны поколебать основу тѣхъ доносительныхъ пунктовъ, которые направлены противъ его сочиненій—„*De viris illustribus urbis Romae*“, „*Institutiones juris naturae*“. Последнее сочиненіе дѣйствительно представляетъ попытку примиренія вѣры и разума. Задачу его самъ Шадъ опредѣляетъ такъ. „Чтѣ божественную мудрость, выразившуюся въ священномъ писаніи, преимущественно въ новомъ завѣтѣ, я отвергаю и признаю ложною и гибельною всякую философію, не согласную съ истинами, проповѣдуемыми Св. Писаніемъ. Во всѣхъ моихъ сочиненіяхъ, изданныхъ и предназначаемыхъ къ изданію, я стремлюсь къ тому, чтобы сообщить этимъ святымъ, глубокимъ и спасительнымъ истинамъ такія опоры, которыхъ не могли бы поколебать и ниспровергнуть никакія измѣненія временъ и мнѣній челоувѣческихъ, никакая ложная философія и самая необузданная жизнь. Въ этомъ стремленіи моя слава, въ немъ хочу состарѣться и съ ними умереть“. Таково было міросозерцаніе Шада въ это время. Въ приводимыхъ выдержкахъ изъ своего „Естественнаго права“ онъ въ цѣляхъ самооправданія подчеркиваетъ свою христіанскую философію. Но напрасно онъ старался убѣдить, что его книга написана въ духѣ воззрѣній министра народнаго просвѣщенія князя А. Н. Голицына—между ними была цѣлая пропасть. Шадъ нѣсколько съузился теперь, сравнительно съ тѣмъ временемъ, когда писалъ свою автобіографію и отца Синдера, сферу разума, но все таки отводилъ ему видное мѣсто, а главное ратовалъ за его свободу. На первыхъ страницахъ своей книги

онъ трактуеть о правахъ человѣка, которыя выводитъ изъ права, требуемаго разумомъ— „жить согласно со своею природою“. Въ этомъ смыслѣ, говоритъ онъ, человѣкъ имѣеть право на абсолютную свободу, которой никакая внѣшняя, даже вооруженная сила не можетъ исторгнуть; въ этомъ правѣ заключается высшее достоинство человѣка, сближающее его съ божественной природой. Существенными условіями общественной и гражданской жизни являются для него не только забота о собственномъ удобствѣ, но и ненарушимость взаимныхъ правъ, а также мудрость. Разумъ долженъ ограничивать и умѣрять заботу о собственномъ удобствѣ во имя общественного блага. Мудрость, сообщающая человѣку высшее достоинство, есть плодъ заботъ о нашемъ образованіи, не имѣющемъ предѣловъ, и каждое гражданское общество, правильно устроенное, не только не можетъ ограничивать стремленія къ мудрости, но и обязано облегчать его всякими мѣрами и доставлять къ этому всѣ средства. А потому нельзя придумать ничего болѣе нелѣпаго какъ принужденіе въ стремленіи къ этой цѣли, въ выборѣ средствъ къ тому и въ ограниченіи этого стремленія. Ничто не принадлежитъ намъ больше, какъ мы сами, какъ наши духовныя блага, которыми мы владѣемъ или которыми овладѣть можемъ: намъ принадлежитъ свобода, управляемая разумомъ, стремиться ко всему высокому и прекрасному, а тѣмъ выражать свою божественную природу; намъ принадлежитъ воля, возбуждающая насъ къ дѣйствіямъ, достойнымъ человѣка; намъ принадлежать всѣ наши духовныя и тѣлесныя силы, непрерывнаго развитія, которыхъ требуетъ отъ насъ нашъ разумъ; намъ принадлежать всѣ усилія къ изслѣдованію истины, къ проникновенію въ тайны природы; намъ принадлежать доказательства для утвержденія святыхъ истинъ, безъ которыхъ никто не можетъ быть ни добрымъ, ни счастливымъ; намъ принадлежитъ убѣжденіе въ абсолютной цѣли добродѣтели, въ высочайшемъ назначеніи человѣка, въ надеждѣ на будущія блага, въ религіи; намъ принадлежитъ, наконецъ, выборъ легчайшихъ средствъ къ достиженію цѣли, предлагаемой разумомъ“. Онъ вполне убѣжденъ въ необходимости свободы мысли. Ни одно постановленіе, говоритъ онъ, не можетъ имѣть такой силы, чтобы обязать абсолютною необходимостью признать за истину, безъ собственного испытанія и удостовѣренія въ достаточности доказательства, то, что предлагаетъ законодатель, хотя бы онъ самъ и убѣжденъ былъ въ истинѣ требуемаго; истина не можетъ быть передаваема, какъ вещь, или предписываема, а принимается только по свободному изслѣдованію и убѣженію. Отсюда естественно вытекаетъ свобода совѣсти и полная терпимость въ дѣлѣ религій. Государь, говоритъ Шадъ,

обязанъ предоставлять подданнымъ безъ всякаго различія свободу слѣдовать тому вѣроисповѣданію и обряду, въ истинѣ, превосходствѣ и пользѣ которыхъ каждый изъ нихъ наиболѣе убѣжденъ. Въ вопросѣ о свободѣ мысли, воли и дѣйствій Шадъ придерживается средняго, либеральнаго, но не радикальнаго пути: популярныя сочиненія, рассчитанныя на широкую публику, по его мнѣнію, нуждаются въ нѣкоторыхъ ограниченіяхъ, но университетское преподаваніе и наука должны быть вполнѣ свободны; исходя изъ этого положенія, онъ сильно ратуетъ за латинскій языкъ, недоступный для толпы. Государь, говоритъ Шадъ, обязанъ не болѣе ограничивать свободу въ устномъ или письменномъ сообщеніи мыслей другимъ, какъ того требуетъ общественная польза, такъ какъ благоразумная и скромная свобода этого рода должна быть почитаема однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ средствъ совершенствованія общественнаго благосостоянія и народнаго образованія. Такимъ же прогрессистомъ, подъ часъ даже крайнимъ, является Шадъ и въ сферѣ своихъ воззрѣній на семейную жизнь. Отъ родителей онъ требуетъ обязанности давать соотвѣтственное образованіе своимъ дѣтямъ. Отъ высшихъ сословій, занимающихъ общественныя должности и имѣющихъ по своимъ привилегіямъ, богатству, внѣшнимъ отличіямъ и власти, большое вліяніе на остальныхъ гражданъ, общество можетъ требовать высшаго и разнообразнаго образованія и имѣть право предписать самыя средства для его достиженія; въ наказаніе же, за невыполненіе этого требованія, они могутъ быть низводимы въ низшія сословія. Но, съ окончаніемъ образованія, должна прекратиться и зависимость дѣтей отъ родителей. До сихъ поръ, говоритъ онъ, еще остаются слѣды стараго тиранническаго убѣжденія, что сыновья обязаны рабскимъ отношеніемъ къ родителямъ за свое рожденіе, воспитаніе и образованіе, и убѣжденіе объ ихъ равноправности съ родителями, по достиженіи совершеннолѣтія, многими признается юридическою ересью. Шадъ всѣми силами убѣжденія возстаетъ противъ рабства. Рабство въ собственномъ смыслѣ, говоритъ онъ, по которому человѣкъ разсматривается какъ вещь, противорѣчитъ естественному праву. Хотя съ древнихъ временъ были, и теперь есть господа, считающіе своимъ правомъ отнимать у рабовъ своихъ не только имущество, но и жизнь и не только у нихъ, но и у ихъ дѣтей и всего потомства и не признающіе за рабами никакого человѣческаго права, однако такое убѣжденіе противно общественной жизни, какъ не основывающееся на общемъ благѣ. По законамъ разума, нѣтъ права безъ взаимнаго права, т. е. безъ обязательства, а при такомъ образѣ мыслей господинъ имѣлъ бы право безъ обязательства, подчиненные же ему имѣли бы только одно обязатель-

ство безъ всякаго права; такое состояніе противорѣчило бы природѣ всякаго общества; при томъ оно не основано и на договорѣ, такъ какъ согласіе подвергнуть свою жизнь всевозможнымъ бѣдствіямъ выражало бы не волю, а безуміе; наконецъ, такое состояніе есть ничто иное, какъ непрерывная война, объявленная самому роду человѣческому и его достоинству, противно всѣмъ условіямъ общественной жизни. (Человѣкъ долженъ относиться къ человѣку съ любовью, уваженіемъ и благоговѣніемъ, какъ совершеннѣйшему творенію Бога-Творца природы, ему подобному.) Вообще все сочиненіе Шада о естественномъ правѣ представляетъ, по вѣрному замѣчанію академика Н. А. Лавровскаго, „неумолимый протестъ противъ всякаго вида насилія свободы“¹⁾. Нужно впрочемъ замѣтить, что эти идеи принадлежали не столько самому Шаду, сколько всей тогдашней наукѣ естественнаго права; въ основу этой послѣдней положена была философія и изъ нея выводились уже нормы юридическаго характера. Но Шадъ сумѣлъ внести и сюда не мало новаго и оригинальнаго, благодаря своему сильному, ясному и творческому уму. Сказать *новое слово* побудили его тогдашнія политическія обстоятельства освобожденія Европы отъ тираніи Наполеона. Счастливое измѣненіе обстоятельствъ, братскій священный союзъ государей подавалъ ему надежду на появленіе новаго порядка вещей, новой формы государства, управляемаго *согласно вѣчнымъ законамъ разума*; подъ влияніемъ всеобщаго подъема духа и онъ рѣшился освободить науку естественнаго права отъ господствовавшихъ въ ней ошибокъ, созданныхъ французскою философіей. Возможность же установленія истинныхъ понятій о естественномъ правѣ Шадъ видитъ только въ соглашеніи науки о правѣ съ наукою о нравственности и религіи и этому посвящена его книга. Такова одна оригинальная сторона его сочиненія. Другая заключается въ томъ, что онъ вооружался здѣсь противъ механической теоріи государства, господствовавшей въ его время, и опровергалъ положеніе, будто бы государство создано только для доставленія гражданамъ внѣшней безопасности; идею права онъ старался органически слить съ идеей обязанности. Такимъ образомъ, книга Шада о естественномъ правѣ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ значительно отличалась отъ аналогичныхъ сочиненій другихъ писателей. Но этой разницы не желали отмѣчать тѣ лица, которыя доносили на книгу и старались выискать въ ней неблагонамѣренныя мѣста; они игнорировали религіозный элементъ въ ней и подчеркнули исключительно раціоналистическій — тотъ духъ свободы, за который стоялъ

¹⁾ Чтенія Моск. Общ. 1873, кн. 2-я, стр. 45—53.

Шадъ и который не соотвѣтствовалъ уже реакціонному настроенію и какъ самого Императора Александра I-го, такъ и окружавшихъ его государственныхъ дѣятелей; то, что считалось совершенно естественнымъ и даже поощрялось 4—5 лѣтъ тому назадъ, теперь признавалось вреднымъ и неблагонамѣреннымъ. Скоро открылся настоящий походъ противъ всѣхъ наукъ и въ особенности противъ сочиненій по естественному праву. Въ 1817 году министерство народнаго просвѣщенія было преобразовано въ министерство духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія и при немъ учрежденъ ученый комитетъ, на обязанности котораго лежало разсмотрѣніе книгъ въ духѣ спасительнаго согласія между вѣрою, знаніемъ и властію. И этимъ комитетомъ были осуждены книги—*„Всеобщая мораль или должности человека, основанныя на его природѣ“*, *„Метафизика Лубкина“*, *„Логическія наставленія Лодія“*, *„Естественное право Куницына“*, *„Книга о должностяхъ человека и гражданина“*. Особенно любопытенъ приговоръ надъ сочиненіемъ о метафизикѣ проф. Казанскаго университета Лубкина. „Авторъ желалъ согласить два рѣшительно противоположныя начала: вѣру, утверждающуюся на откровеніи, и изслѣдованія разума, ищущаго въ самомъ себѣ рѣшенія какъ относительно предметовъ, подлежащихъ чувствамъ, такъ и для самыхъ отвлеченныхъ идей, восходящихъ за его предѣлы. Многія мѣста въ метафизикѣ, удовлетворительно отвергая безбожіе, говорятъ о благонамѣренности автора; другія же напротивъ того исполнены заблужденій, ложныхъ началъ и служатъ доказательствомъ той истины, что разумъ въ сужденіяхъ своихъ о предметахъ сверхъчувственныхъ, ограничиваясь однимъ только разсмотрѣніемъ и изслѣдованіемъ видимой природы, неспособенъ простираť виды свои въ міръ безтѣлесный. Многія мѣста, неопредѣленные и подлежащія произвольному толкованію дѣлаютъ книгу Лубкина подозрительною“¹⁾.

Такимъ образомъ, книга Лубкина была осуждена за то, къ чему стремился въ своемъ сочиненіи Шадъ, т. е. за попытку примирить вѣру съ разумомъ. Вопреки Ломоносову, который заявлялъ, что наука не противорѣчитъ религіи, здѣсь прямо онѣ признавались противоположными, другъ друга исключаящими началами. Извѣстный Магницкій предалъ суду профессора Казанскаго университета Солнцева за его курсъ естественнаго права и призналъ особенно разрушительными тѣ мысли, которыя высказывалъ раньше Шадъ. Авторъ, по словамъ обвинителя, старался держаться его инструкции и основывалъ свой курсъ на священномъ писаніи, но все-таки смѣшалъ божественное уче-

¹⁾ М. И. Сухомлинова. Изсл. и статьи, I, стр. 203.

ніе съ мнѣніями человѣческими, пшеницу съ плевенами. „Практическій разумъ, утверждающій, что 1) естественная свобода состоитъ въ правѣ располагать своимъ лицомъ, своими душевными и тѣлесными силами, своими способностями и всѣми своими дѣйствіями, не подлежа внѣшнему со стороны другихъ ограниченію, или 2) что по самому понятію о свободѣ и равенствѣ, которыя составляютъ личныя права каждаго человѣка, никто не имѣетъ безусловнаго права понуждать другого дѣлать что-либо противъ его воли—подобенъ древнему змію, прельстившему праматерь Еву, а чрезъ нея и праотца Адама. Естественное право излагаетъ права и обязанности властителей и подвластныхъ, выводимыя изъ началъ разума; но разумъ не можетъ быть руководителемъ: онъ обязанъ благоговѣнно внимать и со страхомъ повиноваться верховному законодателю“. Характерно, что тотъ же Магницкій, который высказалъ это сужденіе, совѣтовалъ поступить и съ извѣстными профессорами Петербургскаго университета Германомъ и Раупахомъ также точно, какъ поступилъ комитетъ министровъ съ Шадомъ, т. е. выслать ихъ за границу. При этомъ онъ рекомендовалъ правительству не обращать особеннаго вниманія на общественное мнѣніе, „ибо въ характерѣ шумныхъ мнѣній нашей публики всегда примѣтитъ можно два направленія: первое—слухи, разсеиваемые для впечатлѣнія на мнѣніе высшаго правительства, дабы увлечь его въ свой смыслъ; и потомъ второе—не далѣе какъ на другой день послѣ рѣшительнаго его поступка молчать или думать согласно съ нимъ; сія неискренняя и политическая, такъ сказать, угодливость замѣняется у насъ доселѣ, *по счастью* (!?), то нравственное чувство, которое должно соединять мнѣніе добрыхъ гражданъ съ мнѣніемъ правительства; побужденіе не такъ чисто, но послѣдствія равно полезны“. Намъ нечего прибавить къ этому откровенному циничному замѣчанію Магницкаго; можно думать, что онъ имѣлъ нѣкоторыя основанія высказать такое сужденіе о русскомъ обществѣ своего времени, т. е. той именно эпохи, когда Шадъ дѣлалъ безплодныя попытки къ своей реабилитаціи. О настроеніи министерства народнаго просвѣщенія ярко свидѣтельствуетъ разрушительная въ сферѣ просвѣщенія дѣятельность того же Магницкаго, Рунича и другихъ. Понятное дѣло, что, при такихъ условіяхъ, Шадъ не могъ быть оправданъ; истинная причина безуспѣшности его попытокъ лежала не въ слабости его доводовъ — онъ, вообще говоря, представилъ достаточно данныхъ если не для полнаго своего оправданія, то по крайней мѣрѣ для пересмотра дѣла, а такового только онъ и добивался,—а въ той реакціи, которая нависла тяжелой свинцовой тучей надъ просвѣщеніемъ и бѣдными русскими университетами во вторую половину цар-

ствованія Императора Александра I-го. Старый философъ Шадъ, пребывая заграницей, не представлялъ себѣ всей силы этой реакціи и продолжалъ напоминать о себѣ и своемъ злосчастномъ дѣлѣ при всякомъ случаѣ русскому правительству, которое оставалось глухо къ его мольбамъ о возстановленіи нарушенной справедливости. Былъ, правда, одинъ моментъ (уже въ царствованіе Императора Николая Павловича) когда для него блеснулъ лучъ надежды: за него поднялъ голосъ попечитель Харьковскаго университета А. Перовскій—этотъ видный литераторъ своего времени, очевидно, почувствовалъ піететъ къ такому крупному дѣятелю науки, какимъ былъ Шадъ, котораго онъ самъ видѣлъ заграницей; но и на этотъ разъ надежда обманула старца и онъ сошелъ въ могилу, не добившись своей реабилитаціи.

Не отрицая нѣкоторыхъ крупныхъ недостатковъ въ характерѣ Шада, мы однако должны сознаться, что это былъ человѣкъ большого и самостоятельнаго ума, цѣлою головою стоявшій выше своихъ товарищей профессоровъ, съ сильною волей и характеромъ и большимъ запасомъ кипучей энергіи, которая направлена была главнымъ образомъ на дѣло просвѣщенія. Въ Россіи передъ нимъ открылась самая широкая арена для его просвѣтительной дѣятельности, и онъ оказалъ пріютившему его Харьковскому университету дѣйствительно цѣнныя услуги въ качествѣ профессора. Противъ него были выставлены въ разсмотрѣнномъ нами дѣлѣ обвиненія во вредномъ направленіи сочиненій и предосудительномъ поведеніи его въ дѣлѣ докторскихъ промоцій. Нѣкоторыя изъ отмѣченныхъ мѣстъ, можетъ быть, и слѣдовало признать неудобными въ книгахъ, предназначенныхъ для учащагося юношества, но эти мѣста легко было изъять, или недопустить книгъ въ видѣ школьныхъ пособій; во всякомъ случаѣ, едва ли слѣдовало карать за это автора, который дѣйствовалъ *bona fide*, руководствуясь, какъ это видно изъ его объясненій, чистыми нравственными побужденіями, и въ особенности карать такъ жестоко. И попечитель округа, и многіе члены университетскаго совѣта не соглашались съ философскими воззрѣніями Шада, но признавали все-таки за нимъ, какъ за представителемъ науки, свободу научнаго изслѣдованія и выраженія своихъ мыслей; и это потому, что безъ такой свободы не можетъ быть и правильного прогрессивнаго развитія самой науки. Сочиненіе же Шада о естественномъ правѣ (также точно какъ и его „Логика“) представляетъ изъ себя не столько учебникъ, сколько серьезный научный трактатъ, изложенный въ формѣ систематическаго курса, нѣсколько разъ устно излагавшагося студентамъ, а теперь обработаннаго для печати. Да и другой его болѣе популярный трудъ, дополненная имъ христоматія Ломонда (*De viris illu-*

stribus urbis Romae) предназначался имъ, нужно думать, и для студентовъ университета,—въ такомъ случаѣ едва ли можно было поставить въ особенную вину Шаду то, что онъ перепечаталъ изъ латинскихъ классиковъ эпизодъ о цѣломудренныхъ Римскихъ женщинахъ.

Что касается обвиненій Шада по дѣлу о докторскихъ диссертацияхъ Ковалевскаго и Гриневича, то здѣсь констатированъ только самый фактъ плагіата, но не доказано самаго важнаго, — чтобы Шадъ руководился тутъ корыстными побужденіями; по крайней мѣрѣ самъ онъ даетъ этому факту, имъ не отвергаемому, иное объясненіе. Можетъ быть, что Шадъ не былъ совершенно чистъ въ этомъ дѣлѣ — взятки въ то время, какъ это указано мною въ другомъ мѣстѣ, составляли къ сожалѣнію довольно распространенное явленіе въ Харьковскомъ университетѣ и къ нему относились довольно снисходительно, — но Шадъ не былъ изобличенъ во взяточничествѣ ни въ данномъ дѣлѣ, ни въ другихъ случаяхъ и тахіum, на что давали право факты, это оставить его „подъ подозрѣніемъ въ этомъ обвиненіи“.

29, 35, 26, 22, 25, 61, 144

36

— 117 —

Вопрос о том, насколько далеко зашла наша работа, является вопросом не только фактическим, но и политическим. Мы должны знать, насколько далеко зашла наша работа, чтобы мы могли оценить ее значение.

Вопрос о том, насколько далеко зашла наша работа, является вопросом не только фактическим, но и политическим. Мы должны знать, насколько далеко зашла наша работа, чтобы мы могли оценить ее значение. Вопрос о том, насколько далеко зашла наша работа, является вопросом не только фактическим, но и политическим. Мы должны знать, насколько далеко зашла наша работа, чтобы мы могли оценить ее значение.

ЦЕНТРАЛЬНА НАУКОВА
БІБЛІОТЕКА ХАДУ
Ім. № 118320

